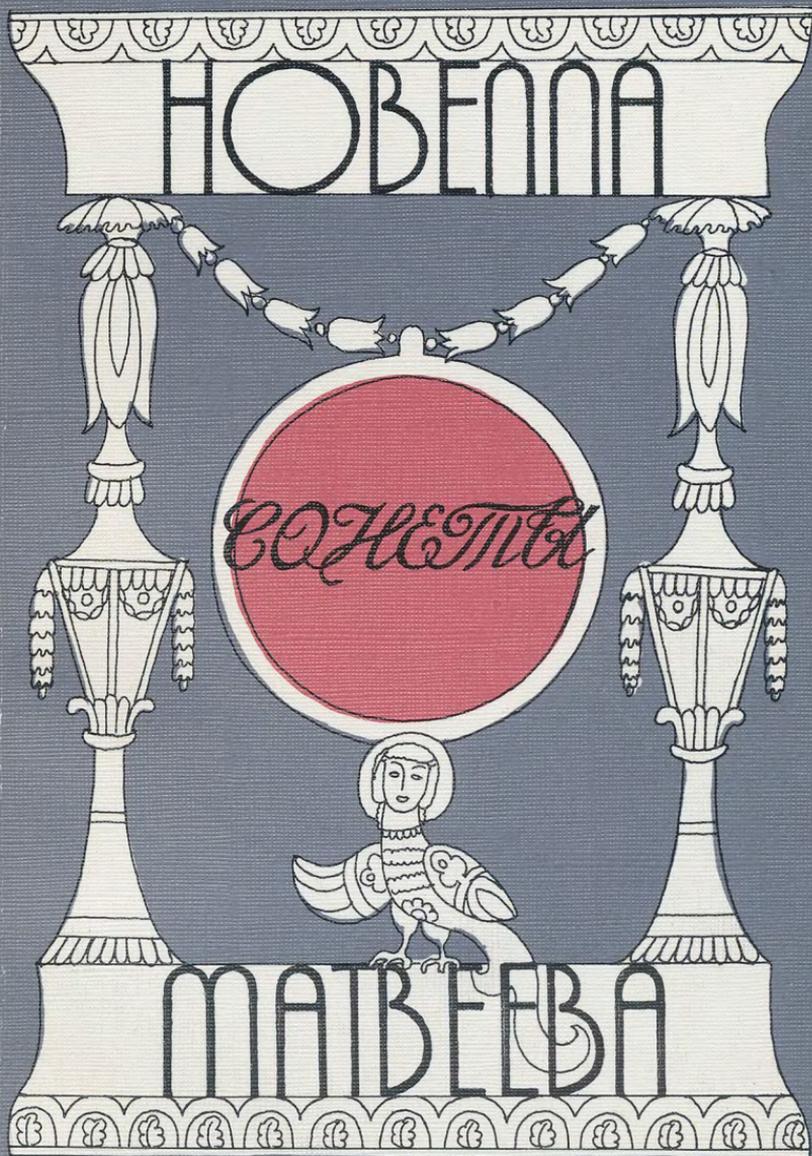

HOBENNA MATBEBA

Новелла Матвеева
СОНЕТЫ

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

СОЗНАНИЕ

Санкт-Петербург
«Искусство — СПб»

ББК 84.3(2)7
М-33

Оформление художника
Н. С. Эшштейн

Матвеева Н.

М-33 Сонеты. — СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. — 336 с.

Впервые в отдельном сборнике собраны написанные в разные годы сонеты известного многим поколениям читателей поэта Новеллы Матвеевой, незадолго до выхода книги удостоенной Пушкинской премии РФ за 1998 год.

М 4702010201-009
025(01)-98

ББК 84.3(2)7

ISBN 5-210-01515-7

© Н. Н. Матвеева, 1998

© Н. С. Эшштейн, оформление, 1998

От автора

Если бы я могла узнать заранее (сразу из всех противоречивых источников), какими жесткими правилами обставлено сочинение сонета, возможно, я не ступила бы на этот шаткий путь с тою самоуверенностью, которая была мне свойственна в юности.

Могу сказать, что львиную долю своих сонетов я сочинила, так и не зная — знаю ли я сонет? и даже — знают ли его другие...

Ибо водить знакомство с сонетом — это значит (во всяком случае, так было со мной) каждый день узнавать о нем что-нибудь новое!

Так, изобретши некий сонет сегодня, назавтра вдруг узнаешь (вдруг — потому что, как я уже намекнула, разные словари говорят о нем разное!), что в нем нельзя было употреблять больше одного раза одно существительное. Ну что же? Вы стараетесь это учесть для следующего сонета, как вдруг вас оглушают известием, что в сонете не следовало бы рифмовать имена и названия (но, разумеется, вам нипочем не подскажут — с чем их нельзя рифмовать: друг с другом или с любым другим словом?!)...

Далее, прочитав сонет классика (почему-то весь дактилический!), вы узнаете, что дактилическая рифма в сонете недопустима (вариант — нежелательна), а еще через время, — что композиция сонета должна быть «железной», что главная мысль должна содержаться в концовке, что нельзя употреблять рифму слишком простую, и так далее и так далее...

А еще через день, месяц или год вам объявляется, что негоже в сонете девятистопном нарушать цезуру, что сонет чуть ли не обязательно предполагает Послание (после чего я была вынуждена изобрести для одного сонета название — «К швабре!»), и в конце концов вы со страхом убеждаетесь, что, оказывается, сонет вообще состоит **ВСЬ** из одного сплошного **НЕЛЬЗЯ** либо из множества **НЕЛЬЗЯ** мелких, но зловредных, каковых в нем не только больше, чем строк (это-то вы уже давно заметили!), но больше даже, чем слов, а то и слогов, букв даже.

От того, что разные специалисты говорят о сонете разное, возникает эффект какой-то странной уклончивой непреклонности сонета, на которую вообще не угодишь, как мстительное древнеязыческое божество, желающее непременно повелевать, само при этом не очень хорошо зная — чего ему, собственно, надо...

А если это не так, то напрашивается вопрос: что же можно все-таки авторски предпринять внутри сонета и на его протяжении? Получается, что почти ничего!

Ведь если соблюдать правила, то с запретом, например, на глагольную рифму в сонете — русскому сонетисту хоть пропади! Придется учиться безглагольностью... «зечь сердца людей»!

Если соблюдать правила, — ведь тогда не удастся уже рифмой обыгрывать впредь названия, заглавия, имена. Хотя — на почве опять же русского стиха — они-то и придают рифме остроумие, а сонету в целом — необходимую звонкость!

Если соблюдать правила, то из ямба никогда не выйдешь! А все подсказки выйти из ямба и вообще все подстрекательства к бунту на вас уже не действуют, ибо за годы службы сонету вы сделались поневоле законопослушным. Некие, никогда не показывающиеся людям на глаза — подобно метерлинковской королеве! — темные власти сонета воспитали вас в таком страхе, что вас больше не шокирует и не возмущает требование из сказки: «Пойди туда — не знаю куда; принеси то — не знаю что»!

Так я узнавала сонет. В полном смысле ПОСТЕПЕННО! Продолжала его постигать, уже являясь автором многих его несовершенных образчиков. И казалось, чем дальше я его узнавала, тем меньше знала!..

Как ни суровы они, — налагаемые сонетом на свободного человека путы, все ж с некоторого момента вы начинаете радоваться обретению навыков (хорошей, а не плохой, — как вам представляется!) скованности.

Как знать, насколько справедлив устав сонета? Насколько целесообразны, связанные с ним требования? Не нами они придуманы, но, как бы там ни было, а мы их приняли! И хотя невидимые судьи, арбитры (или как там их еще?!), ну, словом, «власти» сонета, которых, повторяю, никто никогда

не видел, и сами путаются в противоречиях, когда (сквозь толстые стены своих башен) придираются к нам за наши неточности, — все-таки с неких пор нам начинает нравиться наша, так сказать, мирная военнообязанность, наше стремление к самодисциплине.

И уже временами английский сонет начинает казаться нам чересчур свободным; ах, не слишком ли много себе позволяющим? И уже сонет итальянский почти перестает пугать нас своей не по климату холодной образцовостью, классической строгостью, когда вдруг (опять вдруг!) мы получаем неожиданное известие, и от людей притом вроде бы знающих, что в сонете, оказывается, если не все, то ПОЧТИ все дозволено! Выше я уже обмолвилась мимоходом об этих, периодически получаемых нами, приглашениях взбунтоваться, но подчеркну еще раз, что открывшаяся возможность запоздалого неподчинения не только не радует нас больше, но даже напротив: тут-то и постигает нас какое-то странное разочарование...

Если нарушения правил невелики, то, по-моему, они бывают даже сколько-то полезны сонету. Но сонет вовсе развязный, сонет с ЛЮБЫМИ вариантами рифмовки, сонет, запущенный на круг едва ли не в плясовом ритме — такой нам давно и самым больше не нужен. А иначе с какой стати мы из-за него (ОТ него, ЗА него!) уже столько всего претерпели? За что, так сказать, боролись? Разве не возмутительно, что после всего этого нас отпускают вдруг восвояси? Что нам выдают вольную как раз, когда мы уже отвыкли от воли?! К тому же мы склонны подозревать, что «воля», даримая нам без учета многих лет нашей беспорочной службы сонету, обманет нас пуще каторги. Может быть, из протеста такому вот полученному однажды «разрешению на разрушение» сонета и собралась я цикл «Неправильные сонеты».

— Бунт против правил? — почти обязательно спросят у меня. Нет! В том-то и дело, что нет. О том и разговор, что нет и нет! В кошке концов, правильного на свете не так уж много, чтобы изнсмочь под его бременем! Это не остроумно глумиться над правилами на сегодняшних пепелищах! Ведь кто бы и в чем бы ни уверял нас — это отнюдь не законы и правила рушат мир, но как раз отклонения от законов и правил!

Может быть, мысли о форме стиха и не повод для таких больших обобщений? В таком случае возвращаюсь к простой предыстории цикла. Мне этим циклом хотелось как-то подчеркнуть, идя от обратного: **мне не все равно, как написан сонет**. Потому-то сонеты вызывающей, так сказать, формы я и поместила отдельно. Но кстати, это вовсе не значит, что остальные сонеты книги я считаю «правильными». Степень их каноничности — и в этом убедится читатель — тоже очень различна, но в них отразилось, по крайней мере, хотя бы стремление их автора следовать кое-каким установкам. Тогда как в «Неправильных сонетах» неправильность представлена и откровенно, и парочито.

Казалось бы, цикл, собранный с такими мыслями, не должен пользоваться авторской приязнью. Конечно, лишь иные из него с большой натяжкой можно назвать «сонетами»! А все-таки я имею к ним слабость, потому что и в них — заветные для меня вопросы и воспоминания...

«Потому что (как сказал человек мне близкий, поэт Иван Киуру, которому и посвящается эта книга) они (то есть вообще мои сонеты. — *Н. М.*) пишутся не столько ради формы, сколько ради их содержания». Что верно, то верно. Ну, а если бы не это? Если бы из сонета ученого, сонета академического, сонета непогрешимого сотворить себе цель жизни, пугало и кумира? Как быть, узнавая сегодня, что вчерашняя твоя работа — вся из одних упущений? Уничтожить ее? Но... легко сказать! «Кровию сердца пишу я к тебе эти строки», — сказал Афанасий Фет. Так как же выбросить, забраковать за непригодностью пусть «неправильный», но «кровию сердца» начертанный стих? Невозможно пренебречь прошлым, зачеркнуть воспоминание, выключиться на полном ходу из важного спора...

— Хорошо! — вскричал однажды при мне другой поэт (эрудит, историк литературы). — Хорошо, но зачем в таком случае слагать именно сонеты? Пиши уж тогда что угодно, но в другой форме, а не в форме сонета! — так он сказал, обличая разных собратьев (но, может быть, намекая и на автора этого очерка)...

Выше я обмолвилась мимоходом о том, что и другие сонетисты так же не знают (или так же долго не знали

сонета), как это было со мной. Если бы это могло служить мне оправданием, то послужило бы и утешением. И то сказать! Ведь среди этих «других» есть и такие, как Петрарка, Данте, Шекспир!.. Не странно ли, что даже они попадались, например, на повторении одного и того же существительного в одном сонете?! И хотя даже самые их неудачи — неудачи гениальные (а наши-то еще неизвестно какие будут!), велик соблазн пуститься по их следам... (Еще бы! Ведь выбрав себе для руководства то, в чем сами великие немножечко пасовали, тем самым мы как бы освобождаемся от обязанности повторять за ними то, что для них было главным; к примеру их подвиг чести!)

Ну, а кроме шуток, а кроме лирических отступлений (по теме и не по теме)? Каковы будут общие выводы насчет сонета? Создается впечатление, что правильный сонет в этом мире вообще сочинить невозможно! Ведь только об одном безусловно правильном сонете я знаю (да и то лишь понаслышке, потому что пересказать его нам так почему-то и не решились). То был замечательный сонет одного из героев Генри Джеймса... Но ведь зато впоследствии глубоко безнравственным человеком оказался сам сонетист!

Опять шучу и, может быть, перешучиваю, а все же не избежать мне, видно, одного серьезного разговора. Не знаю, с чем это связано, но и мне (как тому джеймсовскому негодяю) изредка выпадал в виде жребия... почти совершенно правильный сонет! Быть может, несколько таких сонетов даже есть в этой книге? (От сонета всего можно ждать.) Но вообще такое с сонетистами бывает исключительно редко. И ручаться за сказанное я не могу!

В известнейшей сказке Гофмана «Крошка Цахес» описывается книга, из которой выбираются на волю с целью удрать картинки! И порой мне кажется, что такая текучесть кадров имеет место и у сонетов — этих подлинных оборотней поэтической формы! Так и видишь: только что сонет был на странице — и вот его уже ищите, как ветра в поле... Только что он был и считался классическим — и вот его как будто подменили!

О том, что сонет почти ничего не дает автору как форма (впрочем, все равно не соблюдаемая!), собственно и говорится

в цикле «Сонеты о сонетах», открывающем эту книгу. Однако цель недостижимая, но при этом все же определенная развивает в человеке изобретательность и, как мы уже намекали, приучает его к трудовой дисциплине. Если бы у сонета был девиз, он мог бы гласить: «Со мной, как с конечной истиной! Ее нельзя достигнуть, но к ней можно приблизиться».

Иван Семенович Киуру, творческому и человеческому влиянию которого я многим обязана, постоянно спрашивал у меня:

— Когда же ты соберешь книгу сонетов?!

Эту книгу — увьи! — он уже не увидел, но все в нее вошедшие (и до 1990 года сочиненные) сонеты он хорошо знал.

А что же до циклов «Сонеты к Дашковой» и «Предстательница муз» (о ней же), то именно он и натолкнул меня на их сочинение.

Начав прежде меня читать «Записки» кн. Е. Р. Дашковой и другие свидетельства о ней, он повторял мне то и дело, что я ни в коем разе не должна пройти мимо этой фигуры, этой темы! Давно изучив авторские мои пристрастия, имея всегда перед глазами целые конюшни моих «коньков», он попросту предугадал мой нынешний энтузиазм, всю нынешнюю мою прикованность к сюжетам отечественной истории! Так что если найденное мной литературное разрешение темы окажется неинтересным, не его вина, если же успешным — то в этом будет много его заслуги.

Похоже, Иван Семенович знал и о том, что я не смогу ограничиться простым прославлением замечательной личности, а посягну и на исследование... Да и как могло быть иначе?! Входя в историю Екатерины Дашковой, я столкнулась со столь чудовищными, по моему убеждению, и так далеко зашедшими уже кривотолками о ней, что при всей слабости моих сил и несовершенстве средств, я не могла не вмешаться в произошедшее (и кажется, продолжающее происходить). Надо было попытаться распутать хотя бы отдельные ветви той великой, дремучей, тысячекратно переплетенной, дико запущенной и в черной страшной своей почти уже непроницаемой водоросли, имя которой, по-моему — Клевета! Изыскания же свои я проводила не досужим и не причудливым

каким-нибудь методом, а при помощи простой догадки, из тех, которые напрашиваются сами собой.

Если кто-либо скажет, что «Шекспириаду» и «Догадки о Шекспире» я сочинила потому, что начиталась всякой там литературы (в «Малых циклах» есть, между прочим, ответ на сии живописные обвинения), а теперь переписываю, дескать, все это в свою тетрадку. — Никак нет! Ваши благородия, — отвечу я. Никак нет, потому что почти в каждом сонете обоих циклов, посвященных великому поэту, заключается та или иная (спорная или удачливая, но опять же **собственная** моя) догадка о нем. Не вмещают догадку лишь сонеты, являющие собой что-то вроде перекидных мостков от одной догадки к другой.

Конечно, неисследования в поэзии и быть не могут. Вопрос лишь в том — поэзия ли перед нами? Но я-то претендовала, признаться, не только на летучее поэтическое прозрение, независимое от нас... Ведь и в случае с «Шекспириадой» (так же, как с «Сонетами к Дашковой») я работала не со сказочным вымыслом и не с досужим домыслом, а всего лишь с естественной (надеюсь!) логикой, которую в шекспировские времена изучали в обыкновенных школах, а теперь почему-то больше не изучают...

Преуспела ли я? И насколько? Не знаю. Ведь говорю я здесь не о результатах, а только о методе.

К самонадеянному моему предприятию, к посильной работе по расплетению и рассечению уже не одной черной водоросли, а по расчистке, можно сказать, целого Саргассова моря (в котором, говорят, застревают и останавливаются корабли; чего стоит, например, утверждение, что Шекспира вообще не было!) я мечтала приступить уже очень давно. Чему-то вроде войны за Шекспира со скептиками я посвятила многие, не по летам дерзкие, страницы своей ранней, до сих пор не реализованной, прозы. Из этой-то невостробованной прозы тема Шекспира и перешагнула в сонеты, первым из которых был (долго тоже отклоняемый редакторами) сонет «Елизавета и Шекспир», 1964 г. Он-то и открывает теперь «Шекспириаду», в целом сочиненную через тридцать лет после его появления!

Попытку автобиографии, весьма беглой и очень краткой, но неотделимой от судьбы близких моих и родных, представляет

собой раздел сонетов «Россыпь-1». (То есть получается, что это и не совсем «россыпь»!) Духовно эти сонеты группируются в основном вокруг подмосковной Сходни — местности для меня заветной. Но даже там, где мысль улетает неведь куда и витает неведомо где, все равно это — Сходня! Ее еще не так давно счастливые для меня пейзажи, мысли и книги, а также упования и начинания, прогулки и эпизоды, поступки и разговоры, коим она долго была (и осталась) невольный старый свидетель...

Все в мире связано, каким бы рассыпанным, раскиданным и широко разбросанным в разные стороны ни казалось оно снаружи. И если бы не это небольшое соображение, пожалуй, только раздел «Россыпь-2» можно было бы считать действительно «россыпью». Так что названия некоторых разделов книги чисто условны.

Что же еще можно добавить к сказанному? Боюсь, что моя обстоятельность (которая у других людей была бы только достоинством) уже и так нагнала на читателя скуку... Не везет мне в последнее время с юмором! А впрочем... как раз недавно мне (вдруг!) удалось рассмешить самого короля веселости — поэта Валентина Берестова!

— Как вы думаете, — спросил он у меня. — Сонет короткая форма?

— Если удачный, то короткая, а если неудачный, то длинная, — печально ответила я. И в самом деле настолько нечаянно, что даже не сразу поняла, чему этот человек смеется? Собственный «юмор» дошел до меня не раньше, чем я получила от Валентина Дмитриевича заказ на заключение моего грустного высказывания в стихотворную форму. И вот она — эта форма:

Чрезмерно длинный стих — товар не ходкий.

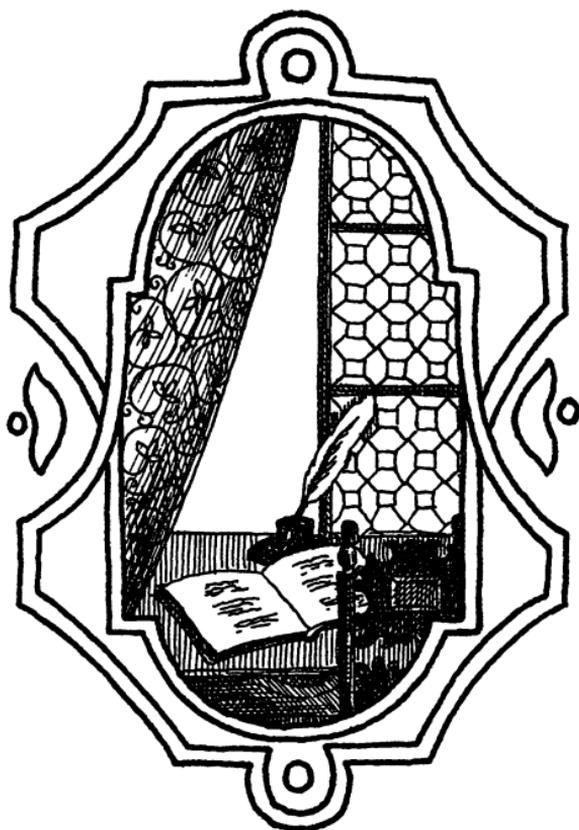
— А краток или нет сонет старинный?

— Что ж, если он удачный, то короткий.

А если неудачный — значит, длинный.

А теперь мне остается от всей души пожелать, чтобы сонеты этой книги не показались чересчур длинными любезному читателю.

Новелла Матвеева

СОНЕМЫ О
СОНЕТАХ

Завидую далеким временам,
Когда сонет мешал болтать поэтам.
А почему бы, думаю, и нам
Язык не укорачивать сонетом?

Нужна узда горячим скакунам,
Обложка — книгам, рама всем портретам,
Плотина — разогнавшимся волнам,
Сонет — разговорившимся поэтам.

Сонет благожелательно жесток:
Он не допустит, чтоб залезли мысли
За край листа и клочьями повисли;
Он говорит: «Вот финиш мысли. Стоп!»

И там, где я рискну зайти за финиш,
Сонет, я знаю: ты меня отринешь!

1958

СОНЕТИСТЫ

Памяти В. Левика

Нам Пушкин дал сонета контур смелый.
С ним редко связан тот, кто пел Тамань.
Взрастила плод, хоть пышный, но незрелый
В нем Символизма призрачная рань.

В нем Брюсов правил строчек филигрань.
Им в Кизи — гвоздь вгонял формач умелый.
Покуда вдруг — свершений остров целый,
Мечты святой фазанью глухомань

В нем не открыл Вильгельм-Завоеватель!
Полузаглохших троп распознаватель,
Ронсара друг, советчик Дю Белле,

Камознса, искавшего свободы,
Какую редко встретишь на земле
(Вот разве что заглянешь в переводы)...

1983

О «ХРОМОМ» СОНЕТЕ

*Сонет «хромой»,
Сонет «глухой»...
Ах, только б не слепой!
А все мне снится Идеал,
Как зверю — водоной.*

Кто с носом не в свое суется дело,
Тот просто неуч! Вредный и шальной!
Ну, так судья ль я тем, кто пишет смело
Сонетных строк — тринадцать? Без одной?

Но знаю, что в системе, мне родной,
Хромой терцет глядел бы... оробело,
Как на ковбоя или корабела
Больной прислужник в лавке скобяной.

Эх, не по мне ломать кому-то ноги!
Стихи ведь тоже люди! Даже боги!
Бог — мой сонет иль человек простой,

Но раз не может он занять Гефеста,
Литейщика божественного, место —
Куда б ему податься — с хромотой?!

1988

СОНЕТНАЯ ПОЧТА

Сонет, пока он был отменно молод
И жил во времена, ему родные,
Пока его не брал ни новый Молох,
Ни Декаданса вязкая стихия, —

Свободный, здоровый, прочен был в устоях
Наследных! И в терцетах всемогущих
Доразвивал заветы предыдущих.
Так новому историку историк

Передает познаний преизбыток,
Чтоб дальше разворачивался свиток...
А в наши дни сонет увяз в тумане.

И до того ль его размокла почта,
Что несть его кому-то — все равно, что
Кисель в кисете или суп в кармане!

1981—93

ДОСТОИНСТВО СОНЕТА

Не дым, глаза нам щиплющий горчично,
Не едкие цветочки на болоте,
В их волокнисто-капельном полете
По стебелькам, ехидно-иронично

Невидимым, не «витязь» — горемычно
На перепутье медлящий в расчете:
Куда податься? В рай? На дачу к тете
Или в «амуров капище» публично?

Сонет! Где ты скитался? **Ты** ли это?
Кой век тебя в подвалах тролли злые
Томили, на изнеженность и леность

Испытывая! Где вы, дни былые?
Где мощь, определенность, поколенность,
Где вещая преемственность сонета?!

1981—93

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Вперед! Стезями роковыми —
Сразиться с новой всякий раз
Волной препятствий, каковыми
Сонет испытывает нас.

Живые строчки на Парнас
Приходят, изверги, кривыми!
Тогда как правильным — живыми
Не быть! Не бить «не в бровь, а в глаз»!

Чего ж мы бьемся, сонетисты?
Где достиженья? Где тот клад?
То серебро? Те аметисты?
Тех рвений зримый результат?

Сонет — он либо точен, либо
Хорош. Да и на том спасибо!

1983

ИЗ СКАЗОК БОЧКИ*

Когда сонет плохой, то он — злодейский.
И вот уже, действительно, тогда,
Нас не спросясь, надев парик судейский,
Кто без вины — он судит без суда.

Но тот ему, с его повадкой змейской,
Четырнадцатистрочник не чета,
В котором есть Работа, есть Мечта
Стопы своей не замочить летейской

Водой стихов дурных. Но и сухим
Не вырваться, как плут... Подвергнув сглазу
Чужой сонет; сочтя его доросшим

До бранных слов, — скажите лучше сразу:
Плохой сонет не может быть хорошим,
А неплохой — не может быть плохим.

январь 1992

* Известно, что это выражение обозначает болтовню.
(Здсьь и далее — прим. автора.)

Сонет есть реплика. Один бросок угля
В жар прений. Быстрое высказыванье в споре.
И если бы в него вместилась вся земля
С такими смыслами, как степь или как море,

С подводной огненностью, с тенью корабля,
По лестнице валов поднявшейся и вскоре
Истаявшей вдали в косых лучей расколе,
Или с плеядой гор — все ж буду слышать я

В нем тайный диспут всех, кто приходил
к сонету.
И что ни поднеси он нам еще: ракету,
Ракиту, меч, ярмо, прилавок, жезл судьи, —

Я знаю: все равно все это будет **спором**
В пещерах наших дней. Где виден ход,
в котором
Полоска выхода чуть брезжит впереди...

СОЧИНЕНИЕ СОНЕТА

Час роста тьмы в квашне кошмаров кваских.
Но иногда в ночи приходит строчка,
А с ней другая, — как в арабских сказках
Всегдашней казни — новая отсрочка.

Врачует раны эта проволочка...
А лучший врач (из наших, из парнасских!) —
Сонет звенящий, чьи созвучья — в связках,
Чья рифма — никогда не одиночка.

Одно звено всегда молчит. Но звенья,
Стекаясь вместе, строят шум забвенья
Терзаний. В нем порядок, счет, привычка.

Не так ли древле нас в домах и в башнях
Бряцанием от снов будили страшных
Ночной дозор и стражей переключка?

апрель 1993

Не сам сонет растаял в блеске лунном,
А давняя сонетная пора:
Древесный сок извечно будет юным,
Хотя веков крепка на нем кора.

Застыла ода идиолом чугунным,
Элегия уходит со двора...
И лишь сонет — еще бежит по струнам,
Еще дрожит на острие пера!

Он жил давно. Но это не причина
Вновь не ожить ему для новых тем.
Его конец — еще не есть кончина.
(Смотря кто кончил! **Как!** Да и зачем!)

Шекспир — и тот не вычерпал сонета!
И ковш у родника оставил где-то...

1958—69

сонеты к
ДАШКОВОЙ

(1989—1993)

*...И отшумел, и отсверкал он —
восемнадцатый: блистательный,
великий —*

*Над каменными львами гневного Петра...
Век окрика, и славы, и галантной книги,
Карьер головокружительных,
и вспышек топора.*

*Венеция, и Амстердам, и Вавилонии
грифон не вечный,
И сфинкс Египта, шею выгнувший дугой...
Времен немало спрессовал
фольянт библиотечный,
Но, дикий просвещения век! —
как никакой другой,
Ты жив: надменный, авантюрный
и беспечный!*

*Твой сын любой отечеству примерным был
слугой!
Он в три погибели гнул смерда крепостного...
Иллюминацию любил, и кружева,
и всякий маскарад...
Награды царские, добытые в раденье многом...
Но и погибнуть за отечество всегда был рад.
И строил Петербург он, и ваял, и строил.
И над Невой капризной возносил
мостов дугу,
Дворцы, подобные венецианским,
статуи богов, героев...
Почто ж нескорбно лицезреть их не могу?*

*О Петербург! Изящный, правильный,
галантный!
Твоих сооружений гнет несущи уже три века я...
Ведь кто они: кариакиды города
и гордые атланты?
Средь них мой прадед и прабабка бедная моя.
И что им славные дела царей
и страсти их дурные?
И отчего те камни восемнадцатого века
душу в плен берут?
Страдания кариакидов понятны, и прозрачны
сны их,
И вздох летит их мраморов...
Дрожат прожилки руд
Карелии, Урала и Сибири
От невских берегов и до амурских вод!..
Цивилизации насильственной
невероятный плод
Собой народы удивил в подлунном мире...
Но кто тот век окаменелый,
как себя, поймет?*

И. Киуру

КАТЕРИНА РОМАНОВНА

Она — душа осьмнадцатого века, —
Он ветром ей наполнил рукава!
Но гордая его библиотека
Была бы неполна и не права,

Когда бы — из его злодейств отсека —
Не выкрала б ни искры озорства,
Не выкроила б ни смешинки смеха
Двух Академий царственных глава!

Век самодурства, век самоуправства,
Зловещих и нешуточных интриг,
Не мог на (нестандартное!) лукавство

И Вас не натолкнуть, княгиня книг,
Что все дела мечтала кончить ладом, —
Спиною повернувшись к чаше с ядом.

ДАШКОВА, ДИДРО И ФЕЛИЦА

Дворцовой хитростью гордились Вы подчас.
Но глаз наметанный — соколий! — Дидерота
Приметил без труда, что детская на Вас
Бравада. Но никак не грязь переворота.

Иных приветствуют за блеск прелестных глаз,
За власть (опасную иллюзию полета),
А Вас, таинственная фрейлина, за что-то
Непостижимое... За то ли, что запас

Сил Ваших не раскрыт, как золото в горах?
Что пятен крови нет на Ваших веерах?
Недаром кажет Вам Фелица каждой встречей,

Что вклад в историю Ваш малозначен суть.
Ну что ж. Вам повезло, княгиня, что отнюдь
Не Вашей жертвой пал несчастный Петр
Третий!

На взгляд Фелицы, Ваш находчив разум,
Но «вздорны» Вы в «тщеславности» своей.
Зачем же отвечали Вы отказом
На приглашенья стольких королей?

Зачем не соответствовали фразам
О Вас? И прочь — от зависти (от чьей?)
Бежали в платье темном, ни алмазом
Не засветивши личности своей?

Когда Вы «взбалмошны» — зачем Вы тихи?
И если весь Ваш подвиг хвастовство, —
Зачем скрывать Вам вздумалось его, —
(И «хвастовство» и подвиг!) от шумихи?

И по Европе крадучись ходить,
Чтоб дремлющую славу не будить...

ГОЛОС И ВОЛЬТЕР

Слышишь? Вырвался голос из хора...
И. Киуру

— О, что за голос? До чего прелестный! —
Вольтер воскликнул и всплеснул руками, —
Еще не видел Вас, — на звук приветствий,
Почтительно произнесенных Вами.

Сдается мне, старик многоизвестный
Паясничал! Считая дураками
«Восточных варваров!» И русской даме,
Глядишь, — готов прием глумливо-лестный!

Но сим двуликим Янусом (с медали,
Вертящейся, чтоб глаз не увидали!)
Превознесен Ваш голос — не излишне;

Вы пели. Вы придумщица мелодий
И виршей звонких! (Даром, что в народе
Ни тех стихов, ни музыки не слышно...)

БЕЗВЕСТНЫЕ КОМПОЗИТОРЫ

*На виду хранилась пачка
Драгоценных партитур:
Да свершится перекачка! —
Здесь их много черезчур...*

«Унди́ну» Гофмана — бранят, а нам не кажут!
О музыке Руссо слагают анекдоты,
Упрятав ноты в стол. (Сколь многим разобяжут,
Упрятав **анекдот**, а нам представив — **ноты!**)

Читаешь лермонтовские стихи иные,
Но постигаешь вдруг: да это ж **песни** были!
Не клен остался бос на безымянной миле, —
То — струн есенинских разграблена стихия.

Давно ль, княгиня, Вы тонули в партитурах?
И не прошлась по ним нога Мама́я вроде?
Каким же способом и в коих процедурах

Пропали без вести они при всем народе,
Как без войны в полях polegшие солдаты?
Под чьи автографы ушли? На чьи кантаты?

НА УТЕЧКУ ДАШКОВСКИХ МЕЛОДИЙ

*Ничто не исчезает,
А только... превращается:
Фунт, без отдачи занятый,
К прогрессу приобщается.*

О звонкий русский соловей!
И весь ирландский город Дублин,
И Гаррик — сцены корифей,
Твоей был музыкой подкуплен.

Каким же заморозком сгублен
Твой дар на родине твоей?
Сей ландыш, василек, шалфей —
Каким серпом под корень срублен?

Ну нет! Зерно мелодий — свято!
Безроден или сановит, —
Кто беспризорный слиток злата
Откажется усыновить?!

Княгиня! Ваши песни — с нами!
Жаль, — под другими именами...

ГОСТИНИЦА

Стояла в Данциге гостиница одна.
И в ней (сочтя ее — для штучек — лучшим
местом!)
Патриотическим, но не правдивым! — жестом
Хозяин вывесил два хитрых полотна.

Утихшая, на них виднелася война.
И войско русское (с просительным присестом,
С «пардоном» якобы!) — клонило знаменá
Пред властью прусских сил победных...
Мимоездом —

Княгиня Дашкова рискнула на авось
И... перекрасила тайком от всей квартиры,
Мундиры прусские — на русские мундиры,
А форму русскую — на форму прусских войск.

— Кто их передел?! — вскричал хозяин грозно.
Но кони Дашковой уж дальше скачут... Поздно!

ПРИБЫТИЕ МАРТЫ ВИЛЬМОТ В РОССИЮ

Дрожа над грубошерстной водной гладью
Под ветром, завывающим так чудно,
Ирландка с развевающейся прядью
С английского — на берег сходит — судна.

Классическая девушка с тетрадью,
С которой юным так расстаться трудно;
В которой жизнеопись — чуть занудно —
Кроится из кусков, подобно платью.

Но эта дева из крыла Перуна
Перо добудет! Дашковой, княгини,
Историю она спасти захочет!..

Так сходит с кораблей сама Фортуна,
Когда за ней, в лучах, по всей пучине
Подскок дельфинов радужен и сводчат!..

ГЕОМЕТР ЭЙЛЕР

Из Академии стараньем зрячих
Ослепший Эйлер изгнан был. И вот
В задачах старика и в незадачах
Неслыханно-благой поворот

Властительница Займов и Щедрот
Произвела, главой наук назначив
Статс-даму Дашкову... Следов горячих
Не выстудив, княгиня у ворот

Изгнанника — стучится в снежну заметь...
Гей! — скачет с ним к Минервину дворцу,
Но... первый стул уж там ракальей занят!

— О сударь, — молвит Дашкова слепцу, —
Куда б ни захотелось, например, вам
Сесть, — место это, знайте, станет первым!

ЗАБЫВЧИВОСТЬ, КАК МЕТОД

Шальной зоил тебе, потомуку,
Такие бредни завещал,
Чтоб ты — опять как... Незнакомку
Княгиню Дашкову встречал!

И вклад Паллады различал,
Как след бизона — по обломку
Скалы, разбившей льдисту кромку;
Чтоб «эврикой» да возбрэнчал

Весь брег! «Слетайтесь изучать,
Как оттиск древних мхов на торфе,
Двух Академий русских мать...»,
Которой в Риме, в Дюссельдорфе,

В Лозанне — всюду был прием,
Но... не в Отечестве своем!

СЛОЖНАЯ ПРИЯЗНЬ

...Надеялись на вспыльчивость княгини,
На ссору этой женщины с царицей,
Чтоб тем ловчее, встряв посередине,
И с той, и с этой взыскивать сторицей.

Но крылышки коротких гордых вспышек —
Не есть пожар. Не действует настройка:
Вражды — не много. Дружбы — не в излишек.
Струится **сложная приязнь**. И только.

А что когда и вправду Ваши руки,
Княгиня, увенчали эту паву?!
Иначе... на какой предмет науки
Унизить ей хотелось Вашу славу?

Так против смертных, избранных богами,
Богини копят гнев за облаками.

УКЛОНЧИВОСТЬ ПРЯМОТЫ

Ваш сын подрос, княгиня. Заграница
Его хранила в силу отдаленья.
Но юношу увидела царица
И... воротила Вам благоволенья

Опасное такое, что гоненье,
Пожалуй, лучше было б! Мастерница
Льстить говорила: — Друг мой, прочь сомненья!
Вам, детям — нужен Двор, нужна столица...

— О нет. Мой сын не станет царедворцем —
За Родину он будет ратоборцем!
Он выбрал Марса. Нам не к пользе негда...

Так в сердце Вашем, бедном и геройском,
Сходились, не сходясь, как войско с войском,
Правдивость нрава и лукавство века.

УЖИН

Хотя сквозь пальцы (как друзья!)
На многое глядят вельможи,
Царице с прапорщиком все же
Открыто ужинать нельзя.

Но так как завтра повышение,
И связан с чином аппетит,
То прапорщик без небреженья
На приглашение глядит.

Статс-дама сдержанна, бледна
И думает: «Без ваших трапез
Мой сын **законно** входит в Запись!
На что ж и выслуга дана?»

Скрывая гнев и робость кряду,
Царица мыслит: «Нет с ней сладу!»

ДАШКОВА И ФЕЛИЦА

Не то, чтоб раздражительно и грозно,
А все без удовольствия на Вас
Глядит царица, слыша Ваш отказ
От золота и льгот. Как несерьезно!

Обман, иезуитски-виртуозно
Заливистый, с очисткой царских касс, —
И тот как будто ближе ей подчас,
Чем этот вызов, эта спесь безхозна!

От хитрецов иных, конечно, травма.
(Хотя на их работах грубой кисти
Проглядывают нити полотна.)

Но самая большая хитрость — правда!
Ведь неизвестно — для какой корысти
На белый свет является она.

МИНУТА ИСТОРИИ

К чему восторженное рвенье
Спасать историю земли,
Где лишь отдельные мгновенья
Чего-то стоять бы могли?

Не те, мадам, когда забвенью
Своей подруге Вы несли,
И недоверием зажгли
В ней пламя неповиновенья.

А те, когда она вошла,
Впервые взгляд метнув плененный
На облик Ваш, на свет чела,
(Еще венцом не затемненный!)

И веер, Вами оброненный,
Благоговейно подняла.

*Россия это не страна,
а Вселенная.*

Екатерина Великая

Не зря ты мне сказал: «Прочти всенепреренно
Сестер! В особенности Марту». Признаю,
Для Марты на Руси открылась вся Вселенна —
Почти как для самой Великой, — толчею

Сумевшей отделить от степи, суверенно
Откинувшейся вдаль и... в Космос! в том краю,
В котором прочие, всего лишь **не свою**
Страну пронаблюдав, отпрянули надменно

С присловьем: «Видел **всю!**» — Ну, нет!
Глазами съесть,
Не значит — разглядеть и разгадать стихию.
Лишь простодушному усядется, как есть,
Жар-птица на плечо! И выскажет Россию.

И (оттого ли, что сезам всегда — к слезам?)
Лишь претерпевшему откроется сезам.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕПАДЫ

В России нет средних классов.

М. Вильмонт

И если верно то, что не было прослойки
Здесь, на Святой Руси (которой —
не вернешь!),
То... сколь злосчастны мы и как должны быть
стойки
Вдруг угодившие в одну прослойку — сплошь!

В оттенок без тонов. В пародию надстройки,
Совсем без базиса! В лакейство — без вельмож,
В холуйство — без господ! (Кого и назовешь
«Превосходительством» — так это ж на смех
сойке!)

Страну губил не тот, чей тяжкий труд реален
Да не вознагражден... Но и не лодырь спален.
Не пахарь — ясный всем снаружи и внутри,
Не царь, но и не псарь. И не купец из пьяни,

А около-купцы, а около-крестьяне,
А около-цари и около-псарь.

ЛЮДИ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Безвестный девятнадцатый! Сезам!
Откройся нам! Со всех своих побережий
Откройся нашим подвигам, слезам,
Усилиям... Ты нов, а мы — всё те же.

(Читай — новее!) В нашей речи свежей,
Дав старомодным место словесам,
Не состояли мы (увидишь сам!)
Лишь из одних «зане» или «понеже».

Язык наш — не стиральная доска,
Камзол — не сколок скального куска
И воротник наш — не лафет орудий;

Нет! мягкими (суров был обмолот!),
Но гордыми войдем в проем ворот
Мы — века восемнадцатого люди.

К ПОРТРЕТУ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

*...И усвоется легко,
И потекает вероломству
Донос историков потомству
На неудобное лицо.*

Читательница книг, зовущихся «мужскими»,
Создательница строф и музыки своей,
С кувшинкой-песенкой, рожденной в клавесине,
Не сразу вынырнув со дна его зыбей

И — снова вслушиваясь в клавишный ручей
(Пока — в качающихся отзвуков трясине —
Он не исчезнет весь, толчками относимый), —
Не сразу пробудясь для будничных речей;

Служением светясь почти победоносным,
Но... как бы вдруг поняв, что на нее донос
нам, —
Из сумерек она к нам смотрит золотых,

Как тот, кто, испытав неправое гоненье,
Поддаться был готов соблазну самомнения, —
Но вспомнил вовремя о бедных и святых.

представительница
муз

**Продолжение «Сонетов к Дашковой»
(1993)**

История не возится с оттенком,
А с полной краской трудится обычно,
Но тем упорней тянется к оценкам
Тончайшего, не виденного лично.

А как вообразить? Какого толка
Был звук шагов — тому два века — в Зимнем?
Нам, верящим в доказанное только
(Что вовсе не мешает врать самим нам!).

Мы судим вкривь (на двух веков пространстве!)
Свободу жеста, голос, тень ресницы...
О, судим строго! Ибо мы пристрастны,
А эталон красы — у нас в деснице!

Но вправду видим — токмо скок танцовщиц, —
Невидимого грубых облицовщиц.

«Не миловидна и не грациозна?»
За что же ей грехи вменяют эти?
За то, что слишком, может быть, серьезна
Красавица на молодом портрете?

Черты нежны. Их точности завидность
Неуязвима для подлогов лести.
А уж пустяк такой, как миловидность,
Куда ни шло — здесь на законном месте;

Кто не прекрасен в молодые лета?
Не миловиден до самозабвенья?
А у нее хотят отнять и это,
И без того недолгое, мгновенье!

Так жизнь творит **физических** уродин
Из тех, кто ей **духовно** неугоден.

Историк! Выстроив при всем честном народе
Какой-то сдвоенный, наивно-дряхлый кадр
Из жизни Дашковой, ты, верно, будешь в моде.
Но не обманчив ли твой кукольный театр?

В мундире и верхом, — а уж матрона вроде?
Едва от детских игр — уж вываренный карп?
Откуда же — в тобой рисуемом уроде —
Такое счастье, свобода и азарт?!

Улавливаешь ли несоответствий ряд?
Там, за придуманностей облачной грядкою,
Ужель никто ее не видел молодою?
Вскружившей голову кому-то, говорят?

Сколь одинок любой, кого считать хотели
Невзрачным в цвете лет и дряхлым —
с колыбели!

Хотя, весну спалив, а жар залив водою,
Ей чуть ли не с утра подстроили закат,
Ужель никто ее не помнил молодой,
Вскружившей голову кому-то, говорят?

И, верно, не одну вскружила? (Повторяться
В честь гордости такой Амур зело горазд!)
Но разве «пимены» о том — проговорятся?
И разве «нестор» здесь отчет правдивый даст?

Коль скоро «пимены» уже об ней решили
Пореже лестное вещать иль то, что есть,
Коль скоро «несторам» самим башку вскружили
Писак-предшественников к новой Жанне мечь.

И фальшь, которая настолько «объективна»,
Что слушать совестно и повторять — противно!

Плясала Ваша матушка отменно
И хороша собой была, бесспорно.
Вот и в дочерних венах, несомненно,
Должны сверкать красы и танца зёрна!

Краса бледней, но выходка сановней
И негою сияет Ваше око...
(Как «яблоко от яблони» далёко
Ни откатись, а это плод — сыновний!)

Краса ушла. Но есть крупней досада;
Побила градом *грацию* тревога...
Краса бывает — и продуктом ада.
Но *грация* — она всегда от Бога.

И не на Вас — на Бога руку поднял,
Кто *грацию* у Вашей жизни отнял.

Не говори, что речь моя сползает
Из крупных сфер к пустячной дамской блажи;
Смотри: историк чинный тем же занят!
Тогда как я — и не историк даже.

И что с того, что вслед за ним пускаясь,
Я поневоле в том же вздоре вязну?!
Подземных рек поверхностный каскадец!
Я спор с тобой веду — не понапрасну.

Вздор не был вздором, коли жив поныне;
В нем слышен отзвук пущих испытаний.
И я себе сказала: «В герб княгини
Входил не только крупный план страданий;

Дух нетерпим и к мелочным обидам,
Так я и в мелочах ее не выдам!»

Читателю **характеров** понятно,
Кто в море жизни вобла, кто треска,
Какая сплетня сверхневероятна,
Какая — больше логике близка.

И неужели, бредящая ржаньем
Коня да шпагой, Жанна не могла б
Всей своей жизни главным содержанием
Соделать **гордость**? В мире девок-баб

Неслыханную? Так. Но из нее-то —
В патриотизме только лишь в одном
Замешанной — и ткут для анекдота
Материю о ба́бьем, о смешном

В поползновеньях (поздних, бесполезных!)
Горжетку смастерить из лат железных.

ОТКУДА ИДЕТ КЛЕВЕТА...

«Ни в коем случае, — вскричал Дидро, —
княгиня,
Вам не советую впускать Рюльера в дом!»
И вспыхнул странный толк (злорадно-модный
ныне!..
«Свежо предание, а верится с трудом!»),

Что будто Вы разбой бесстыдный применили,
Чтоб князя «на себе женить»!.. Листаю том
Назад... И что же? Нет, не в Бирме
и не в Риме,
А тут же, в сносочке: «Рюльер»! Но я о том

Уж знала наперед!! Я знала: он отмстит Вам
За небрежение! Отплатит в тот же час!
Тем паче есть кому примкнуть к его ловитвам
На Родине у Вас... Я знала, что на Вас

Всего один ушат помоев опрокинет, —
Кто принят Вами был. Но сто — кто не был
принят.

ТИП

...А впрочем, никогда не можно знать о том,
Что хуже: вынутый иль полный несессер?
И что придумал бы (при первом впуске в дом!)
К Вам не допущенный, обидчивый Рюльер?

От ущемленности-то взвинченный винтом
Да вскрученный жгутом усиленных «манер»,
Ироник... (Солнца всех болоний, всех ривьер
Не хватит — справиться с иезуитским льдом

Его прищуря!) О, я знаю этот тип,
Многозначительный, как ядовитый гриб,
И мстящий за добро! Обсыпь его до пят

Чистейшим золотом и возведи на трон,
Тем пуще мести в нем запылывает ад,
Тем безнадежнее унижен будет он!

*ЗАМУЖЕСТВО КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ
(Или Сплетни)*

Простая доказательность — награда
Историку за честное житьё.
Прошу вас! пересказывать не надо
Всего, что так похоже на враньё!

На то у негодяев и надежда,
Что честные подхватят их поклёп,
И голосом святым упрочат то же,
Что шло под клеветнический захлёб.

Огнем горит! горящие чернила
Давно в аду глушит в галлонах тот,
Кто сплел о самой чистой анекдот,
Из самых гнусных: «На себе — женила!»,

Дав имидж Грицацуихи — в подарок
Несовершеннолетней Жанне Д'Арк!

КРАСАВИЦА, ДУРНУШКА И ПОЛЯК

К ней ревновать?! Неслыханно! Однако,
Невесть какой тайком страшась беды,
Владычица, влюбленная в поляка,
Подругу перед ним на все лады

Чернит, — ревнуя схему зодиака
Их встреч возможных... Воздвигая льды
На их пути... То с вёрстами воды
Работая, то с крапинками мака,

Красавица сургуч готова съесть,
Чтоб с Понятовским Дашкову не свесть!
Мы говорим: «Политика?» Вестимо.

Но женское смятение в душе
Прелестного политика — уже
В полете дней для нас — неощутимо.

ТРИ МЕДВЕДЯ

Я впала в мелочность! Не свойственную
(в целом)

И непонятную таким, как я, особам.
(Не ждите — не ханжам! Да и не то, что
снобам.
Но гордой чистоты служакам угорелым!)

Я впала в суетность, начав аллюром смелым
О муторном рязить; о том, каким зазнобам
Какой залетка мил... И чья краса по клобам
Считалась бросовым, пустопорожним делом...

О, в старом¹ Троицком и в дивном Заонежье
Все блохи и слепни мне, в общем-то, едины,
Но я и от слепней пойду спасать героя,

Затем, что я поэт Святой Екатерины!
Затем, что Ваша суть (на зло блохе) —
Медвежья;
Затем, что было нас — таких Медведей — трое!*

* Сказано вовсе не для сравнения себя (или своей лирической героини) с Е. Р. Дашковой, но чтобы отметить интереснейшее совпадение! У нас с поэтом Иваном Киуру была семейная или, как выражался он, «партийная» взаимная кличка — **Медведь**. К нашему (позднейшему) удивлению, Медведем себя называла и кн. Дашкова!

ЧУЖАЯ СЛАВА —
НАМ НА СПЛЕТНИ ПРАВО

И сколько даме лет, и хороша ль собою —
Не худо бы презреть сей суетный вопрос.
Но если чем-то вы прославились всерьез,
От «любопытных» не будет вам отбою!

Вам срежут бегство в лес и выход к водою,
Обступят вас и ну вам тыкать пальцем в нос,
Ну дергать за косу! (парик? руно ль какое?)
А не подделка ли вы сами? Не курьез?

Нет, не курьез. К. Р. не тот салоп надела?
Решила что-то скрыть? Опять — не наше дело!
Мы **сами** по себе? Вот и она — **сама**.

Жизнь, отданная нам, не так уж суверенна,
Но и она — горда. Но и она священна.
И как любая жизнь — **свободной** быть должна.

ДИДРО И ВОЛЬТЕР

Быть может, был в той знатной переписке
Императрицы сумрачный намек,
Что Дашковой проделки ей не близки.
Дидро смутился. А Вольтер — усек,

Сказав: «Ну что ж... Ее не будет в списке
Моих друзей. О беспощадный рок!
Вторую Жанну* снести бы я не мог!
Где? Где еще один костер — английский?»

Дидро же мнил: «Вот и еще одна
Гонимая в снегах Руси морозной.
Немилая своей царице грозной,
Она друзей, конечно, лишена!

В тисках живет, а все геройством бредит...
Приму ее как дочь, коли приедет!»

* Существует точка зрения, что в «Орлеанской деве» Вольтер высмеял не только «духовенство» (как принято считать), но и самое великую Жанну Д'Арк.

ГЕРОЛЬДЫ

Зачем Вас ждут и с Вас не сводят глаз
Французский, польский ли, австрийский Двор? —
Для тех, кто понимать не хочет Вас,
Загадкой остается до сих пор.

Уж не за то ль Вам почести, что в путь
Сама Переворотчица, поди,
Как мать, благославила Вас? Отнюдь!
Известно ж — Вы изгнанница почти!

Навряд ли с Вами связывает мир
Надежду на иной переворот,
Ведь Вы ему ответили: «Не жди!»

И все же всюду Вам открытый вход,
Когда герольды Ваши — Стих, Клавир,
Смех, Речь, Открытье — скачут впереди!..

КОЛПАК

Подняв грозу переворота
С самой Великой наравне,
Через Петергофские ворота
Вы пронесли на коне.

Но щедрой молодости жемчуг
Разграблен времени рукой...
Мадам! А где домашний чепчик?
Мой Бог! На ней — колпак мужской!

Так, возвращаясь в лоно мира,
Остепеняется солдат,
Чтобы с гвоздя — взамен мундира
Мужского — снять **мужской** халат...

Герой (хотя и пола слаба)
Не должен быть одет как баба!

Известно, что в былые времена,
Прекрасная, как розы куст росистый,
Родительница Ваша, Сурмина,
Своей подружке на престол российский

Взойти — Елизавете — помогла.
А Вы, как бы наследуя почину,
Двух знатных женщин приняли дела
И возвели на трон Екатерину.

Заметно, что оно у Вас в роду!
Подруг своих венчать на царство смело.
И что сию фамильную черту
Вы развивать могли бы до предела,

Но все прошло... И Ваша дочь не в Вас,
И — Самодержиц кончился запас.

КНЯГИНЯ ИСТИННАЯ!

Еще бы! Кто не будет против
Такой колючки на репье?
Держать «рабов» — а не пороть их!
Разбогатеv — ходить в тряпье!

Косынку дружбы*, до лохмотьев
Сносив, — так и не снять! Себе —
Армяк, другим — атлас. Толпе
Не льстить. Трудиться в негодьях.

Отверженцев судьбы пристрастно
Спасать! Но целый вечер — сплошь —
Заставить шестерых вельмож
Стоять! Позволив им (напрасно!)

Подозревать, что и сейчас
Поддержка в «сферах» есть у Вас!

* Подарок Дашковой от миссис Гамильтон.

ЕЕ НЕДОСТАТКИ

Я знаю, вобщем-то, что Вы прямолинейны,
Что рады прихвастнуть на старости (как все!),
Лет с двадцати пяти уж больше не лилейны
(Но этот «ценный» факт — не из моих досье!);

Что многое порой Вы списывали с рук
Царице; что к царю злосчастному могли Вы
Быть более добры, чутки и справедливы;
Что Ваша детская доверчивость — недуг

Опасный при любых больших дворцовых
схватках.

Ну, что еще сказать о Ваших недостатках?
Да больше ничего! Пусть их продолжит тот,

Кто Вашу честную, как ясный день, карьеру
Грязелюбивому препоручил Рюльберу
И вздор за чистую монету выдает.

И силы Ваши кончились, когда
Почти слепая в щедрости своей
Вы, содрогнувшись, усомнились в ней.
И самоотреченности звезда,

Что полный век на оползнях зыбей
Держала Вас, — затмилась. Черета
Холодным ужасом прозревших дней
Поволоклась — уж и невесть куда! —

В нежданно-обесцвеченную даль.
Себя спросить могли Вы: — Не была ль
Грехом гордыни доблесть жизни всей?

— Отнюдь! — разгорячился бы добряк.
— Была! — постановил бы фарисей.
А жизнь — уж не ответила никак.

Нечасто, но чем реже, тем заметней
Плащ лилий снежных ночь пятнает сажей.
Потеря сына — первый и последний
Удар самоуверенности Вашей.

Чуждались гордо Вы досужих бредней,
Нелепых сплетней... Но порою даже
Герой, как Вы, — встает перед пропажей
Всего, что скопит опыт многолетний.

Теперь, в слезах, с гримасой боли сильной,
Вы шлете вдаль к невестке полуссылной
Гонца с письмом... Вы с ней дружны отныне!

И все-таки Ваш яркий факел гаснет.
Уже и то — темно... Уже сейчас нет —
Той непреклонной маленькой княгини.

СНОВА — МАРТА ВИЛЬМОТ

Я слишком рано Вас отправила домой,
Спеша вообразить, как в лайковой перчатке
Позавчерашнего столетия остатки
Вы из Московии увозите с собой!

А Вам — еще пришлось принять внезапный бой
Со здешнею судьбой! Нападки, неполадки,
Напасти — громоздясь, как тучи, в беспорядке,
Вдруг жаром — холодом, стальным драже,
грозой,

Воссоздающейся в пространствах поминутно,
Всенастигающей, — пошли стегать попутно
Вас по рукам; пока заносите в дневник,

Как с лавочником знать роднится здесь
в лабазе,
Как — змеем — гувернер ползет «из грязи
в князи»
И как простой народ серьезен. Чист. Велик.

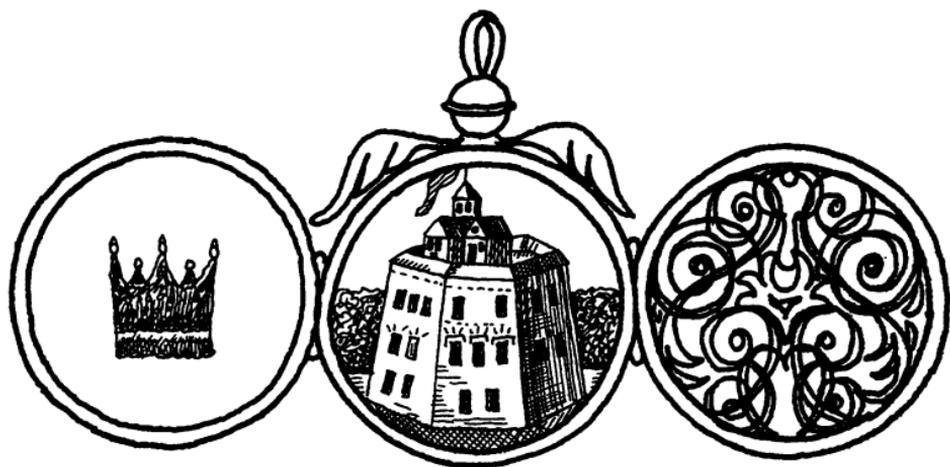
ДАРИТЕЛЬНИЦА
(*О Катерине Романовне*)

Вы дарите не так, как дарят баре,
Но и не так, как вносится оброк,
А как цыганка бусы дарит в Яре
Другой цыганке — дружества в залог.

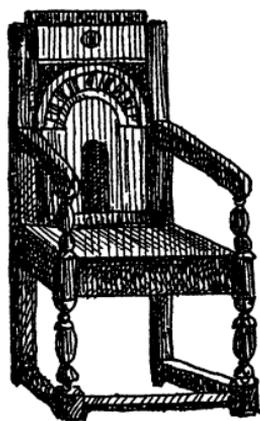
Ваш дух широк в самомалейшем даре;
Две степи вхожи в емкости серег.
А царский веер в шелковом футляре,
Как в коконе, — дремучий мотылек

Заморских стран с их огненным безлюдством.
Чердак Открытый! — «...эту чашку с блюдцем
Примите в дар. А это что? Дневник

Моих английских странствий!..» У стремянки
Читаете, прикованы к приманке,
Вы юность Вашу! — лучшую из книг.

ШЕКСНИРУДА

(1964—1993)

ЕЛИЗАВЕТА И ШЕКСПИР

Когда починут, грешный мир отринув,
Монархи, вознесенные судьбой,
Нам остаются кости властелинов:
Бездушный прах, такой же, как любой.

Покуда мир становится товаром
Других купцов, какие понаглей,
Благодаря — фактически! — фиглярам
Мы если помним — помним королей.

По милости бродячего актера
О дальнем веке столько разговора,
Что в тьме времен теперь светло, как днем!

Клянусь Шекспиром и Елизаветой:
Не он писал при королеве этой,
А королева правила — при нем.

1964

Лукавец, вынуждая нас гадать
О том, что без гаданий было ясно,
Осел ослом! Ан чувствует прекрасно
Как выдавить сомнения печать

На несомненном! Вот ведь и меня
Искать заставил доводы в защиту
Алмазов, звезд, резьбы по малахиту
И вдохновенья Божия Огня!

И вот, защита Солнца — первородства, —
Шекспира! Не нуждавшегося в ней
Так долго после сна в стране теней!

И вот... опять приходится бороться!
Хотя бороться очень мудрено
За тех, кто победил давным-давно.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Куда мне плыть? Где карта и компас?
Кто маяком в моих скитаньях будет?
Должно быть тот, кто сам плутал не раз
И новичка за промах — не осудит.

А там уже ни мóрок и ни сглаз
Стремленья к цели в нас да не остудит,
Ни скептик сам (который в пальцах крутит
Оправу, но не верует в алмаз!).

Так что ж он изучает, этот плут?
Природу не родившихся минут?
На кой ему над временем победа?

Ах! Если тот и есть — шекспировед,
Кто утверждает, что Шекспира нет,
То я не вижу здесь **шекспироведа!**

*«И СОВЕРШЕНСТВУ ЛОЖНЫЙ
ПРИГОВОР»*

Мне опостылел этот мир скорбей,
Где всякая неясность почему-то
Решается обычно в пользу плута
Или того, чей разум послабей.

Любой вопрос (давно решенный, знаю!)
Лишь для того запутывают вновь,
Что путаница в пользу негодяя,
А людям честным — свертывает кровь!

Когда у Смита в рукописях стихших
Шекспировские росчерки найдут,
То Смитов стих Шекспиру не припишут,
Но стих Шекспира — Смицу отдадут!

Смотри, Поэт! Тебе же и на шею,
Гонялся мир за подписью твоею!

И ТО, ЧТО БЫЛО ЯСНЫМ...

Поэт всегда простаk.

Э. Ростан

Не знал Шекспир (наивный!), сколь опасно
Свое неувядаемое имя
Делить (хотя бы временно!) с другими,
Слабейшими! Тут и слепому ясно,

(Но зрячему не ясно!) как же трудно,
Как будет муторно всем одолженным,
Как честным, так и жуликам прожженным.
Судовладельцу флагманское судно

Такое возвращать!.. Толпа (запутав
И то, что ясным было!) двинет смуты,
А путаница будет в пользу плутов
И тех, кому споспешествуют плуты.

— Нельзя же одному, — воскликнет «логик», —
Владеть добром, рассчитанным на многих!..

И способ есть, простой невероятно:
Нам — царским жестом — луковку дадут,
Но, осерчав, возьмут ее обратно.
А заодно у нас прихватят пуд

Картофеля, уволокут посуду...
Грибов, бобов запас на три зимы...
И сами же распространят повсюду
Про то, как злы и как бесчестны мы!

Без интересу или с интересом
Давал приют Шекспир невзрачным пьесам
Скрывающихся авторов? Как знать...

Но, в силу хитрой путанности мира,
На тех парнях остался блеск Шекспира,
На нем же — их безвестности печать.

«МЕРА ЗА МЕРУ»!

Как странно, если вдруг фактурой хрупкой
Становится отлитый в бронзах мир!
Мне кажется, что «Феникса с голубкой»
Воспел... не обязательно Шекспир!

Но в перечень его стихов орловых
Была «Голубка» кем-то внесена.
И путаницу же в умах воловьих —
Шекспиродумов — вызвала она!

Шекспиродумы вызвали Поэта
На детский коврик: — Ну-с, любезный наш,
Бери «Голубку»! А другим за это —
«Макбета», «Лира», «Гамлета» отдашь!

(Загинет либо станет жертвой склоки,
Кто посягнет на **собственные** строки!)

*ИСТОРИК-РАСПОРЯДИТЕЛЬ,
ИЛИ «КОМЕДИЯ ОШИБОК»*

Историк — Бэкону: — Хватай же, Фрэнсис, ну!
Тебе все авторство Шекспира подвернулось!
А Френсис посягал, боюсь... лишь на одну
Из пьес, которая давно к нему вернулась,

Которую никто, никто уже теперь
Не помнит. (Даром что Шекспиру сдав
в «аренду»
Любую драму, фарс, комедию ль, поверь,
Тем самым ты ее уже вписал в легенду,

К бессмертью приобщил!) Что — Бэкон?
Бэкон сам
Чужого не возьмет! Хотя — душой неровной
Подобен Англии причудливым холмам!

Иной же (будущий историк безусловный!),
Чем чаще подписи Шекспира брал займы,
Тем громче восклицал: «Шекспиры — это мы!»

НО ЕСЛИ ВРУТ НЕСКЛАДНО...

*...в памфлете драматурга Роберта
Грина... тот резко нападает на актера
«выскочку» и «простолюдина»,
осмелившегося соперничать...
с изысканными умами.*

А. Аникст «Вильям Шекспир»

Когда б: «Шекспир, Шекспир, Шекспир», —
и вдруг
Взревели: «Бэкон!» — как среди бела дня
Раскат грозы, рассчитано балладный
И новичка берущий на испуг,

Тут я еще поверила бы (ладно!),
Что все цветы шекспировских заслуг
Взросли на шляпе Бэкона. Вокруг
Всемирно врут! Но... если врут нескладно,

Но если сноб и прежде был готов
Все вещи «смерда» враз отдать вельможе
И об «открытьях» наших дней, похоже,
Знал наперед — за несколько веков —

Позвольте, господа, вам не позволить
Шекспира из истории уволить!

МНОГОСТАНОЧНИК

Сэр Бэкон! Говорю тебе, как другу:
«Данайцев бойся! Лести их взрывной!
Знай, скверную окажет нам услугу,
Кто на Шекспира двинет нас войной!»

Но ежели ты **сам**, надев кольчугу,
Заспорил с ним (при том не об одной
Забытой вещи); если чрез натугу
Сам затвердил, заладил, как больной,

Что ты строчил за многих смертных кряду
(Взаимоисключающих по взгляду
И дарованью), что ж могу сказать:

«Прямой многостаночник Возрожденья!
Но странно, что твои произведенья
И тем и этим можно приписать».

ЧЕЛОВЕК НЕ ОБОРОТЕНЬ
(К слову о разнописаниях Фрэнсиса Бэкона)

Когда б он был **не Фрэнсис** от рожденья,
А **Феникс** — несгораемая птица,
Что в пламени пропав, как наважденье,
Опять из пепла своего родится,

Сим чудесам тройное подтвержденье
Дала бы я! И клятву очевидца!
Тем более что роца Возрожденья
Как раз такими птицами гордится.

В блистанье ренессансного рассвета
Их превращенья дивные нередки:
Художник превращается в поэта,
Поэт — в бойца... И вновь свистит на ветке...

Но разве мог христианин единый
Быть... то бревном, то пламенем, то льдиной?!

ЖРЕЧЕСКИЙ ПОДХОД

*Гилберту Слейтеру двух соавторов
показалось маловато, и в 1931 году он
опубликовал книгу «Семь Шекспиров...»*

Р. Белоусов «Смуглая дама сбрасывает вуаль»

*Вобщем, «истинных» Шекспиров оказалось
около шестидесяти.*

(Там же)

Вот за Шекспира, так по-вашему, артель
Строчила целая? Выходит, лучше слег бы,
Чем справился один? А Бэкон? Сверх-Орфей!
И он-то уж **один** за всех трудиться мог бы?

Один бы «мог», другой — «не мог бы»?

Канитель

Какая-то! Одним (немилым!) ваши догмы
Да цепи... А другим — шелками сверхудобный
Путь выстилаете в столетиях! Ужель

Шекспиру не дадут и одного сужденья
Однажды высказать без помощи коллег
(В количестве шести десятков человек!),
А Фрэнку (одному!) всю ношу Возрождения?

Не глупо ль (да еще на уровне веков!)
Всех на Юпитеров делить да на быков?

«БЫКИ» И «ЮПИТЕРЫ»

Основным аргументом этих догадок служила и служит барски-пренебрежительная мысль, что сын ремесленника, получивший недостаточное образование и служивший актером в театре, не мог создать столь великолепных произведений.

Ю. Шведов «Вильям Шекспир»

Но где же все-таки сын мастера перчаток,
Где недоучка мог познаний накопить?
Что ж! Если нужен вам познаний недостаток,
То у Шекспира он имеет место быть.

Кто был в латыни слаб? Кто век, знай, путал
с веком?
А принца-регента — с монархом? Видит Бог,
К такому хаосу «Маяк науки» Бэкон
Ни коим образом причастен быть не мог!

Так как же нам теперь свои достроить штучки?
Как нам шекспировского авторства алмаз
Другому передать?! Однако с тем как раз,
Чтобы без ляпсусов титана-недоучки?

На солнце пятна. Хватъ! Дай пятна совлеку,
Чтоб солнце знатным сдать, а пятна — мужику!

«ОДИН ЗА ВСЕХ»
ИЛИ «ВСЕ ЗА ОДНОГО»?

Пример ничтожен мой, но есть и в нем
загвоздка.

Едва я выбилась на поприще Пера,
Зоилы и жрецы постановили жестко,
Что пишет за меня стишки... моя сестра!

А за сестру — отец. Кто ж за отца-то? Мать.
А за нее, кажись, внучатый отчим тети...
Гром разрази совсем! Ужель в конечном счете
Сам за себя никто не в силах сочинять?!

Свет зол на Авторство. Шекспиру самому,
Глядишь, то Бэкона, то Ратленда назначат,
Как второгоднику! Подтягивайся, значит,

До знатных лиц, мужлан!.. И верит всяк —
чему
Угодно! Лишь **в один** не веря факт упрямый:
Что **сам Шекспир** писал шекспировские драмы!

*ПРАЗДНЫЕ ДОМЫСЛЫ
К БОЖИЮ ПРОМЫСЛУ*

Кто ж на земле Шекспира представлял?
Быть может Марло? Нет! Побойтесь Бога!
И **за себя-то** слишком сделав много,
Сэр Марло рано встретил свой финал.

Так значит Бэкон? Лик его игрой
Сокрытых сил, своеобразьем пышет...
Но никогда шекспировский герой
Шекспировские книги не напишет.

И... почему бы не предположить
(Всех происков бесплодных в результате),
Что дух Шекспира так же хочет жить,
Как на Шекспира двинутые рати?

Что **сам Шекспир** и есть не кто иной,
Как **сам Шекспир**?! Прямой. Не подставной.

«ПОЙДУ ЛЬ, ВЫЙДУ ЛЬ Я...»

От многоведа я узнала вдруг,
Что в мире всё так и должно быть: мелко!
И что Шекспир — подделка, ловкий трюк!
А почему не ты, а он — подделка?

Не отсылай к «источникам», отнюдь
Не самым чистым! Можешь не стараться:
Пойду ль я, выйду ль я в далекий путь,
Чтобы вранья старинного набраться?

К чему искать мне этот вид добра
В глуши веков? За милей милю мерять?
Когда я лжи, придуманной вчера,
Имею все возможности поверить?

Слыхав, как люди прямо с места врут,
За ложью вдаль пускаться — лишний труд!

ПАСТУХ, ИЛИ СВИДЕТЕЛЬСТВО САМОУЧКИ

Рядовой актер вторгся в ту область, где до него почти безраздельно господствовали «университетские умы».

М. Морозов

Я остро сознаю, как случай мой ничтожен,
Как жребий мой с путем великих несравним!
Но опыт, каковой был над овцой возможен,
И над гирканским львом бывает исполним.

Овцой? Нет, — пастухом — среди глухих
изложин
Я, в неучах, брела. Не знав ни школьных зим,
Ни ранца с грифелем. Но мне мечтался Рим!
Был Гёте, Байроном рассудок мой встревожен!

Я самоучкою вступила в мир наук.
Однако ж критики меня ругали много
Не за невежество, а за... изыски слога!

Зачем же утверждать такую ересь вдруг,
Что, дескать, сам Шекспир не мог создать
«Макбета»,
Поскольку неучен? Не пэр? Не видел света?!

ТО, В ЧЕМ Я УВЕРЕНА!

Хотя до Лондона-то с низких
Лужаек — не рукой подать,
Неужто летописи (в списках)
Нельзя и в Стратфорде читать?!

Здесь быт засаленный и черный.
Но есть и тут (поверь, чудак!)
Мечты чертог высокогорный —
Набитый книгами чердак!

До завтра, плуг и сковородка!
Мне — к звездам!.. А итог таков,
Что восхождение самородка
Не обошлось без чердаков.

Недаром вижу в их лице я
Прообраз школы и лица!

ГИМН ЧЕРДАКАМ

Мир черенков (и черепков
Ползущей с крова черепицы) —
Чердак! Чертог луны-царицы,
Пристанище былых веков!

Здесь мысль плохих учеников
И та — парит, подобно птице...
Рывков незримых очевидцы,
О чердаки! Всех бедняков

Дворцы! Под кровельным теплом
Вийона зреет здесь диплом...
Здесь оперяются поэты

В большой полет... Здесь глобус (весь
В пыли)... Здесь книги, свитки... **Здесь**
Шекспира университеты!

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Еще вопрос (о, для чего, крамола,
Тебя опять навязывают миру?!) —
Была ли **вправду** недоступна школа
Подростку солнцелобому, Шекспиру!

Коли отец — перчаточник, так что же?
Бывает, мастерство простолюдина
Прочней великолепия вельможи.
А если храм науки не для сына,

Что гению — не школа, не ученье?
Ночное чтение. Бедность. Миг богатства.
Свое ль раденье... Чье-то ль меценатство...
Но ты, извечный сеятель сомненья,

Все лучшее преследующий злобно,
Не знай того, чего не знать — удобно!

ТАК ЛИ «ОБЫКНОВЕННА» ЖИЗНЬ
ШЕКСПИРА?

Болтают, что в провинции, кажись,
Неинтересно жил Шекспир... Да что ты?!
Не может быть неинтересной жизнь,
В которой столько творческой работы!

Столиц тысячеокий Василиск
Заждался... Но, поэт, ужель тогда лишь
Ты скажешь сам себе: «Развеселись!»,
Когда от отчих пажитей отчалишь?

И так ли **скучен** лес твоих времен?
Где песни пел, где древ могучих разность,
Где путы рвал, врагами окружен,
Где к браконьерству отвергал причастность,

И мнил осилить ковы скверных баб
При помощи... бессмертия хотя б!

По вычисленьям смутно-рьяным
Драконов и драконоверсий
Он уличен был в буйстве пьяном
И заподозрен в браконьерстве.

Но не палив по молочаю,
Не брав хмельного и под ноздри,
Художник вечно «уличаем»
И постоянно **заподозрен**.

А даже если буйство **было?**
Что ж, значит не было ехидства!
Где очевидна крайность пыла,
Исключено иезуитство.

Не говори ты с богоравным
О поведенье благонравном!

ПРЕДМЕТ ВОЗМОЖНЫХ «БУЙСТВ»

Судебные архивы свидетельствуют, что в Лондоне и Стратфорде он вел судебные тяжбы... с должниками, был причастен к довольно крутым финансовым операциям, <...> скупал земли в окрестностях Стратфорда.

Р. Белоусов

Мать Шекспира, Мари Арден, происходила из семьи, принадлежавшей, возможно, к захудалой ветви дворянского рода.

М. Морозов

История! Прошу! Вообрази поэта,
Которому **нельзя** скитаться по лесам,
Поскольку недруги «пришьют» ему за это
Словечко «браконьер»! Тогда, когда он сам —

Олень всех травль земных! Представь себе
косулю,

Убитую не им, но **под него** (Скажи,
Ну как не приписать разбоя мысль косую
Тому, кто складывает стих в лесной глуши?!).

— Проклятье! — он вскричал в негодование
крайнем, —

Коли проходу нет, куда я ни ступлю,
Я земли, у меня захваченные сквайром,
Судом назад верну! А нет — так откуплю!

Я имя бедное мое в веках прославлю,
Но разобью поклеп и козни обезглавлю!*

* Лишь по завершении этого сонета заглянула я в один комментарий и впервые узнала, как горячо и вправду принимал Шекспир к сердцу перипетии малоизвестного лесного конфликта! Оказывается, он писал по этому поводу сатиры в стихах и в лесу прикреплял их к столбам!

В ЛОНДОН!
(Или: «Могло ли быть иначе?»)

*...И для потехи раздували
Чуть затаявшийся пожар.*

М. Лермонтов

Должно быть раздували жар подспудный,
Силками обставляли перепутья,
И дар многолучистый, гений чудный
Дразнили, как зверенка через прутья.

На стих Певца, лишь Господу подсудный,
Текли с дубьем, алкая кривосудья...
Но полный сил, как Стратфорд изумрудный,
Все ж не отрекся он от многолюдья.

Добившись гнева «сдач» и всех эффектов,
Шекспировских, прохвосты с болью мнимой
Неслись будить шерифов и префектов...
И вот вам — человек, толпой гонимый!

А все-таки из тех краев бегущий,
Где толпы реже, — в край, где толпы... **гуще!**

ШЕКСПИРОВСКИЙ НАРОД

*...Ибо я народ — и нет мне оправдания,
Ибо от того, что я со сбродом смешан,
Я и за себя и за соседа грешен.*

Народ приходит с Фортинбрасом,
О злодеяниях крича,
И, двери в замке вырвав с мясом,
Ниспровергает палача.

Бирнамским лесом из-под взгорья
К зубцам Макбетовых ворот,
Как с якоря, снимаясь с корня,
На Данзинан идет народ.

От глада страждет, хлада, зноя
Народ. И гибнет на войне
Народ. В дома, где зреет злое,
Как буря, ломится извне...

В народе водятся святые!
(А в среднем классе — понятия).

ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ

*Кто спит под эту плитой?
Непонятый?
Нет, понятый.
...Вот средний класс.
Как не стыдиться
Его заезженных клише?
Но забывать нам не годится
О Беранже и Бомарше!*

О, я не против буржуа!
Нет! Даже очень дорожу я
(Пока свободна и жива)
Гражданским гением «буржужа».

Есть времена, когда тесним
И он; годá, когда и шагу
Нельзя ступить не вместе с ним,
Не превознестъ его отвагу!

Но лишь отхлынет ночи мрак,
Лучам Зари он кажет фигу.
И вдруг — запрется от бродяг!
Хоть сам же создал эту лигу,

Когда на пфенниг иль реал
Свободу мнений променял.

НЕ СПРАШИВАЙ...

*Далее след его теряется...
он снова заявляет о себе...
затем снова исчезает...*

Дж. Уайтхед

Не спрашивай куда (в столетнем цикле)
Пропал поэт на долгих лет сцепленье.
(Другие вон и вовсе не возникли
И то — не вызывают удивленья!)

Где пропадал? Да где ж как не в «Перикле»,
Не в «Лире»?! Не в несущем исцеленье,
Пути, где громоздились впечатленья,
Где сны сопровождать его привыкли?

И вообще — ищите **настоящих**
Преступников. Придерживайтесь правил:
Взимайте за пропажу не с пропащих,
А лучше с тех, кто их пропасть заставил.

Во всем, что называется «пропажа»,
Взыскайте с плута, а не с саквояжа.

ТЕМНАЯ ЛИЧНОСТЬ

(Или «Непонятное встречное раздражение»)

Земля опасной болью пронзена:
Взыщи с того, кто создал эту боль!
Но, как Бирнамский лес на Данзинан,
Мы... на Шекспира двинулись толпой!

Вот в ком загвоздка! Вот на ком вина
За наш провал! За то, что мы в запой
Шли, как в забой! Что шли **не той** тропой,
Не те провозглашали имена!..

А он — то «пропадет на много лет»
(В тех злостных путешествиях как раз,
В которых от историков отказ
Уж получал!), то вынырнет на свет.

И что за личность (если не считать,
Что он Шекспир) — никак не разобрать...

СКАЖИ!..

— А был ли Вилли? — спросит Фифа.
А ты, зоил, скажи: — **Бывает.**
То — **есть**, то — **нет**. Тяжел для **Мифа**,
Но, словно Англия, всплывает

Он для **Истории**. — Вы рады?
Скажи, что нас берут завидки.
Скажи, что умер для **награды**,
Но хочется, чтоб жил — для пытки!

Что (зря подкинув нам портрет свой)
Существовал Шекспир — едва ли.
Но хочется, чтоб непотребства
Его перу принадлежали!

Он **есть!** Но только в ту минуту,
Когда понадобится — плуту.

ТРИ ПОРТРЕТА

Отпор и недоверчивая сила
В глазах блестящих. Бэкон, это ты!
(Пока страданье не исколесило
Морщинами небрежные черты).

А это — Марло? Мощная аскеза
С какой-то обреченностью слилась.
Нездешних глаз прозрачное железо.
(Обиженная девочка-силач!)

И вот Шекспир! Так ясно, что один,
Так явно, что ни с кем! Что слава в свете
Пришла не вдруг... (Ни на одном портрете
Никто его не видел молодым.)

И так смиренен лик великой лепки,
Как будто в жизни больше нет зацепки.

*К ПОРТРЕТУ ШЕКСПИРА
(работы неизвестного художника)*

Что тут виной? Расположение пятен
Иль связка линий, сажисто-потухших?
Но поначалу... даже неприятен,
Унынию поддавшийся натурщик.

Меня знобит от этого рисунка!
Не так ли, разрушая мысль о благе,
Нас тяготит утрата, взгляд безумца,
Дождь в комнате иль рубище бродяги?

О, как же должен был страдать сей пайщик
Подмостков! Не под силу столько боли
И королю, среди нищих и пропащих
Утратив царство, мерзнущему в поле!

Хотя глаза, разросшиеся светом,
Не помнят больше и о царстве этом.

СОКРОВЕННЫЕ СРОКИ

*Шекспир писал в среднем по две пьесы в год,
что, разумеется, совсем не мало.
...Он снова заявляет о себе, затем снова
исчезает...*

Дж. Уайтхед

А вдруг да заблуждается молва,
Что жизнь его текла по строгой схеме:
Две пьесы в год? Напишутся едва —
И тут же воцаряются на сцене?

Так скоро не всплывают острова.
Сначала — тонут... Нет ведь панацеи
От канители при движенье к цели.
Цветок хорош. Но корня жди сперва...

Никто не знает, из какой дали
И по какому хворосту к подмосткам
Шекспировские замыслы брели...

Но если спросят о поэте: — Где
Он пропал? — Скажу: — **В пути. В беде.**
В труде. Над каждым зреющим наброском...

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ

Не думая о тех актерских сходках,
Где, в грозах, шло ролей распределенье,
То, что остался он в ролях не ходких,
Воспринимаем мы — без изумленья.

Все, сколько есть, мы кесарских кровей ведь!
И что нам до какого-то Шекспира,
Когда и встарь мир не спешил проверить,
Каков он в роли Гамлета и Лира?

Кто станет любопытствовать: **актер ли**
Сей человек, когда и как **поэта**
Великого — его едва ни стерли
Из памяти забывчивого света?!

Сэр! Не родитесь вновь. Случиться может, —
Вам и сегодня роли не предложат.

«ВТОРЫЕ РОЛИ» ШЕКСПИРА

Преданьям ветреным я говорю: «Да ладно!»
Мне все не верится, что от заглавной роли
Отказывался он вполне по доброй воле
Или... по слабости актерского таланта!

Своими выгодами жертвуя для цеха,
Он жил в тени своих товарищей. (Бывает,
Роль для себя актер, как шайбу, **выбивает**),
А он — не для себя — для **них** желал успеха.

Но быть могло и так, что пайщики условие
Поставили ему: «Сравняем интересы;
Любую роль бери на доброе здоровье,
Но... тут уж **не твои** пойдут в театре пьесы!»

Короче говоря, нам помнить не мешает,
Что человек **не сам** судьбу свою решает.

Нет, не затем он выбрал роль короче,
Чтоб нас привести к догадкам неучтивым,
А чтоб — не быть в ролях с утра до ночи
И поспевать в работе с «коллективом».

Вон — Бербедж на рапирах не обучен —
Замешкался... На грех — освищут люди.
Скорей послать подсказку: «Гамлет тучен...
О! Дайте эту реплику Гертруде!»

Как? Гамлет... «тучен»? В детстве, как
в задачник,
В отрывок сей заглядывая странный,
«Просчет!» — я заключила поневоле.

Но то был след работы непрерывной,
Надсадной! Той, в которой сам «Башмачник
Без башмаков», а сам Шекспир — без роли!

ДУХ-ПОСТАНОВЩИК

Тень короля играл Шекспир на сцене.
Мала ли роль, что грозно так весома?
Светло ли ему было в роли Тени?
Тепло ли в неприкаянных — как дома?

Не так уж плохо, если близко к теме!
Певцу, как духу (чу! раскаты грома!)
По собственному опыту знакома
Роль изгнанных из жизни, лишних в деле.

Зачем не взял другую роль? Когда же?
Всей пьесы на себе он тащит бремя:
Подсказывает, правит, вяжет звенья...

Другую роль?! Штурвальному на страже
Движенья судна трудно (в то же время!)
Играть на арфе и варить варенье!

АКТЕР ШЕКСПИР

Неистовая речь коснется слуха,
И от оваций — зал театра треснет!
Актер Шекспир, в недолгой роли духа,
Как дух возникнет и как дух — исчезнет.

Чтоб из укрьтъя править оговорки
В игре других... И в том, и в этом ярком,
Себя актера он потопит в Орке,
Дабы — в поэтах выйти без помарок.

Он не попустит, чтобы стих карнали!
Он втянут в тень и чуть ни в должность грума,
Но он не стерпит, чтоб ролей не знали,
Затею в целом портили угрюмо!

И все же тот, кто в бардах выше Сидни,
Не мог не быть **большим актером**, злыдни!

О МНОГОГРАННОСТИ
ЛЮДЕЙ ГЕНИАЛЬНЫХ

Плохим сюжетником, творцом плохих мелодий
Великий лицедей Чарльз Чаплин быть
не смог бы
И Диккенс, романист от Бога (догма, смолкни!),
Актерской славою себя покрыл в народе.

Поэт! Сдается мне давно, что и актер Вы
Сильнейший! Но и в той, и в новой
свистопляске
Врагов у Вас, гляжу, у самого-то, прорвы,
Так как же им не быть (совсем) — у Вашей
Маски?

Не будь борьба за жизнь тем морем
безприливным,
Где непрерывен спад, где сплошь — одни
отливы,
Сэр! Вы остались бы не только скальдом
дивным,
Но и в потомственном актерстве были б живы.

О! Надели Вас жизнь чуть большими правами,
Воскрес бы... и король, чей призрак сыгран
Вами!

И УЖ ТАК ЛИ МАЛА ЭТА РОЛЬ?

Человек, подлец, ко всему привыкает.

Ф. Достоевский

«Я потерял в один и тот же час
И жизнь, и королеву, и венец...»
Сказать одну такую фразу враз —
Уже огромно! Изнутри колец

Космических восходит эта Роль,
Могущественней делаясь втройне,
Когда прошепчет призрачный король:
«Прощай, прощай и помни обо мне!»

Кто ж помнит голос чести? Дружит с ним?
Кто совести гражданской слышит зов?
Как видно, слух наш — не для голосов,
Раз мы считаем страшное — смешным!

Раз мы согласны, чтобы мир забыл
О призраках, встающих из могил!

ВЕЛИКАЯ РОЛЬ

Он поступил актером в театр, но на этом поприще вряд ли достиг многого. Роу сообщает, что лучшей ролью Шекспира была тень отца Гамлета.

М. Морозов

Шекспир, должно быть, ростом был высок.
А следственно — еще и потому
Роль духа-венценосца (видит Бог!)
Не мог передоверить никому.

Роль призрака такому-то отдать?
Но статью царственной он обделен.
А у другого — царственная статья,
Но призрака сыграть не в силах он.

Один Шекспир, глядишь, незаменим —
Сей двуединой роли патриарх
Один (за всех), как дух ночей гоним,
И оскорблен, как свергнутый монарх.

Побойся молний вокруг его чела!
И не скажи, что эта роль — мала.

* Ни в косяк мере ни Михаил Морозов и даже ни Роу не подвергают сомнению талант Шекспира-актера. Они лишь поневоле повторяют предание, которое уже нельзя проверить.

ВЕЛИКИЙ АКТЕР — ШЕКСПИР

Все роли — на подбор! Востры. Звучат
не глухо.

Ни зритель, ни актер их не толкуют ложно.
Но слишком велика роль Неземного Духа!
Другим ее **навряд** передоверить можно.

Кому, как не **ему** она тиранит память?
Кто так же здесь высок, и легок, и осанист,
Чтоб выступить из тьмы, едва стопой касаясь
Подмостков, — а затем, как музыка, растаять?!

Кто снес так много зла, поборов, слов
излыжных,
Чтоб, голос-колокол себе отлив на сцене,
Вскричать: «Я был убит!» — Кто так страдал
за ближних,
Чтоб ропот **совести** сыграть, глушимый всеми?

Сыграть саму тоску, самих ночей беззвучье,
Изнанку счастья и тайну злополучья!

КОНЕЦ ШАТАНИЙ НА КРУГАХ ГАДАНИЙ

Взгляните, вот портрет...

.....
*Как несравненна прелесть этих черт;
Чело Зевеса, кудри Аполлона;
Взор, как у Марса, — властная гроза;
Осанкою — то сам гонец Меркурий
На небом лобызаемой скале;
Поистине, такое сочетание,
Где каждый бог вдавил свою печать,
Чтоб дать вселенной образ человека.*

В. Шекспир «Гамлет»

Его сонетов дивная тетрадь —
Сплошной поток самоуничуженья!
И лишь театр знал — кому играть
Достоинств лучших стройное смещенье.

Кому как не ему? Что тут гадать?!
И наше здесь кончается вторженье,
И не к чему вопрос-предположенье:
Мала ли роль, что королям под стать?

Он сам — король! Не приравнять к зануде,
Не подменить, не свергнуть до конца...
И в том как принц — погибшего отца

Портрет рисует ветреной Гертруде, —
Есть сумма свойств **реального лица**,
Есть описание **Шекспира**, люди!

РАЗГАДЫВАЯ ЦВЕТА́
(в черно-белых изображениях Шекспира)

Где краски?! Чудится мне рыжий, сероглазый,
Меднобородый бард!.. Предположение ценно,
Но спорно: рыжий-то обязан быть пролазой!
А коли честен, то — ирландцем непременно?!

Ирландцем не был он. Пролазою — подавно.
Сам принцип рыжести нейдет к его сонетам.
Но белокожий в них (могу поклясться в этом!)
Светловолосый нрав наличествует явно.

Носители усов и мужеских кафтанов,
Чей женский идеал — прекрасная брюнетка,
Черноволосыми бывают редко **сами**.

Шекспир, томившийся по жгучей Смуглой Даме,
Был, верно, светло-рус, блондинист иль
каштанов.

Так доложило мне Чутье — моя разведка...

ДОМ ШЕКСПИРА. ВИДЕНИЕ В ЯНВАРЕ

Закрыв глаза, я различила вдруг
Английский дом шестнадцатого века!
(Не прямо. Сбоку.) Сумерки вокруг
Стояли светло-синими от снега.

И приливал — в метельных комьях — луг
(Как стая, задохнувшихся от бега,
Неравных волн) к подножию ночлега,
Где, в снах готовя борону и плуг,

Спал человек, усталостью сраженный.
А там, на кровле, (в два прыжка к земле
Сбегавшей) танцевали в зимней мгле

На колесе, в гнездо преображенном,
Два аиста! Да, да! Среди зимы!
Два снежно-белых — в синем центре тьмы...

БОЖЕСТВЕННЫЕ СКОРЛУПКИ

*Досталось от него не только словоблудам,
Эстетам, деспотам, их прихвостням-паскудам,
Но и философам, должно быть, перепало!
Достоин зависти кто цел остался (чудом)!*

В шекспировских шутах заложен динамит,
Которым не один кумир подорван был.
Та взрывчатая смесь — она и днесь гремит.
Но чьи полопались апломбы — свет забыл.

А в перебранках слуг — был мастером заклят,
Как в колбах, не один высокородный спор
Ученых. Но вопрос их осмеянья — снят.
Нет тех философов — и кончен разговор.

Схоласту пущенных вдогонку хлестких фраз
Уж выветрился смысл и ускользнул от нас.
У **злободневности старинной** нет корней.

Какими ж **ядрами** ты потчевал толпу,
Коли заставил нас влюбиться в **скорлупу**,
И аромат ядра восстановить по ней!..

ЧУТЬЕ ПРОФАНА

*Никто не знает, где руда.
Но человек обыкновенный
Бывает зорче иногда,
Чем жрец познания надменный.*

Шепнули мне, что я никак
Быть не могу шекспироведом;
Уж если вязнуть в деле этом,
Так только с фактами в руках!

Какие факты? Полный мрак
Давно заткал за полкой полку.
И умный здесь не больше толку
Добьется, чем любой дурак.

Далась же вам «интеллигентность»
И «компетентность», что опять
Придет Шекспира отрицать!

«Некомпетентность» же гласит,
Что жил, что жив, что не забыт...
Да здравствует «некомпетентность»!

СОНЕТ НА ПОДОЗРЕНИЯ, ДАЛЕКО УВОДЯЩИЕ

*О добрый друг, во имя Бога
Ты прах под камнем сим не трогай,
Сна не тревожь костей моих;
Будь проклят тот, кто тронет их.*

Самозпитафия Шекспира

*Пусть же впрямь читает между строк,
Кто сами строки прочитав не смог.*

О лондонский Театр! Твой бесподобный голос
Любому труженику был доступен здесь!
Но Лондон стал не тот, когда распался
«Глобус»,
Когда «Блэкфрайерса» его сменила спесь.

Шекспир тогда ушел из каверзной столицы
И — скоро — в Стратфорде родимом опочил.
И вот уже... зои́л — самой его гробнице
(Как бочке с порохом) — не верить нас учил.

«Не тронь меня», — девиз начертан
над могилой.
«Ага?! Так, стало быть, и здесь царит
подлог?!..»
Ослы! Что стоит вам увидеть между строк
Простую реплику: «Не выдай, Стратфорд
мильй!»

Поскольку в надписи проглядывается страх,
Что ЛОНДОН посягнет на драгоценный прах.

УЛЫБКА НЕПОСВЯЩЕННОГО

Давно простыл событий след горячий.
А кто-то злостно стер слова и знаки.
Но все, чего теперь не видит зрячий,
Найдет слепой в его сверхчутком мраке.

Познанию слава! В честь его полета
Я и сама слагала гимны часто.
Но лучше иногда... не знать чего-то,
Наощупь зорче будешь, чем на глаз-то!

Кто, если не профан, смеется горько,
Удерживая слезы сквозь ресницы,
Когда знаток суровый... кости Йорика
Идет искать в шекспировской гробнице?

Невежде ключ к **таким** познаниям не дан...
Но кто — как не профан — Шекспиру
предан?!

ГОРДЫНЯ

*Всечасно вместе с ним переживая,
Что гордость у него — не цеховая,
Понять я не могу: тогда... какая?*

Шекспировед, который бредом
Считает собственный предмет,
Зачем не стал бэконоведом
Иль марловедом с юных лет?

Шекспироед (не пропускала
Я в этом слове буквы «в»!)
Столкнуть поэта с пьедестала
Мечту содержит в голове.

Не попадала в глаз шерстина, —
А все ж не видит он Шекспира.
Вот как его устроен взгляд!

Не видит — вот и вся картошка.
Но свято верит гордый крошка,
Что уж **его-то** разглядят!

ВОЙНА ТИТАНОВ С БОГАМИ

Джеймс, Чаплин, Клеменс, гении другие
Не для того не ладили с Шекспиром,
Чтоб истребить его (как тролли злые!),
А для того... чтоб отпустил их с миром!

К ниспроверженью кесаря такого
Они пришли всего лишь как Поэты
Иные. Не понявшие ни слова
На языке Певца с другой планеты.

Уж если сильный отвергает что-то,
То непременно — полностью **и в целом.**
Так мощный Твен, развенчивая Скотта,
Все рыцарство почел пропащим делом.

Но Вещий Лоцман не уничтожитель
А попросту — **иных** притоков житель.

Редчайшему из редких в Зодиаке
Прогульщику по звездным авеню,
Высокого искусства забияке
Еще я как-то дерзость — извиню.

И даже если вспыхну, то — остыну,
Когда Шекспиру, пасынку времен,
Перчаточников царственному сыну,
Еще одну перчатку бросит он

(Для пополнения фирменных наборов
Фамилии!). Простим блаженным блажь!
Но... мне противно, если каждый боров,
Разбрызгав грязь, бросается туда ж!

Мыслишка-то в башке едва мерцает,
А он, пачкун, — Шекспира отрицает!

ФИГМАЛИОНЫ

(Или «Прошу прощения за выражения»)

Не все ниспровергатели Шекспира
Завистливы и непременно плохи.
Однако же и злейших я простила
И не стою на том, что это блохи.

Ведь там, где закрепляются стропила
Великой созидательной эпохи,
Где блещут беззакатные светила
И мчат океанические вздохи, —

Толпа фигмеев — спит. И почему-то
Все чувствуют: сейчас не их минута.
Жар творчества — не их среда. Но смело

Труби им сбор на праздник разрушенья!
Подгрызть под корень славное свершенье;
Шекспира подкосить — вот это дело!

ОДА НОВЫМ «ЕРЕСЯМ»

*...По счастью, не-толпозность мышления
бывает присуща сравнительно даже
большому числу людей.*

И. Киуру

Морозов, Шведов, Белоусов, Аникст...
К соблазну представителей Надира
И у Зенита люди есть покамест
Открыто признающие Шекспира!

И нет в них перед «ересью» испуга,
И — диво! — но поддержки им не нужно,
Хотя бы ад и вся его обслуга
Поэта низлагать явились дружно.

Того, кто мыслил так же одиноко,
Как... весь народ — от севера до юга;
Как та земля, чья главная заслуга —
В непошлости; как дух ключа и дрока;

Как рыцари, паломники, аэды,
Как — Божьей Милостью — шекспироведы!

qoraqku o
WIEKCHUPE

**Продолжение «Шекспириады»
(февраль 1994)**

«ВЕНЕРА И АДОНИС»*

Богиня, кажется, не более горда,
Чем жареный кабан? Ни при какой погоде
Такой вот лавочно-ветчинной бутерброде
Шекспир не мог поднести поэмого труда!

Не граф ли Оксфордский свой вымысел (тогда
Подделки дерзкие недаром были в моде!)
Явил в шекспировском, плебейски крупном роде;
Но — полностью в обход плебейского стыда?

Не Бэкон ли, начав за свой престиж войну
И вспомнив, что владел шекспировской
манерой, —
Как раз имел в виду «Адониса с Венерой»?!
Вещь неприглядную, зато — всего одну?

Не Саутгэмптон ли (от имени поэта)
Сам... посвятил себе свое создание это?

* Поэма, упорно приписываемая Шекспиру.

Дать описание и лавра, и маслины,
И чувственных утех — что стоило эстетам?
Ведь кистью (сильною, как на хвосте ослином!)
Кто не располагал тем ренессансным Летом?!

Чем песнь о Веприце полна? По всем приметам,
Не Вашим, о Шекспир, дыханьем не-бесчинным
Да сельской чистотой, но... — «университетом»
Да праздностью господ с их ржаньем
беспричинным.

Вот так и слышится мне за иным столетьем,
Как некто говорит (при сходе с пьедестала):
«Друг Вилли! Мне строчить поэмы не пристало;
На, допиши-ка сам... И распишись под этим...

Ах, ты с ходатайством? Я все, что мне
по силам,
Устрою для тебя в твоём театре миллом!»

ВИДЕНИЕ СОАВТОРСТВА

Он не был скромником, но не был и разнуздан.
А то и от него домчался б запах серный!
И не был бы ему — рукой парнасских муз —
дан
Венец особенный и гений беспримерный.

Ну нет! — не он сложил поэму о Венере!
Хотя, по-своему (как школьник, из-под палки!)
Ее раскрасить мог. (Вполне в его манере —
Изображенье тьмы... Вид моря... Вепрь.
Фиалки...)

Но были все-таки они озорниками —
Те возрожденческие люди! Каждый вкладом
Своим гордась весьма; на стульях сидя рядом
(С прикушенными, в знак усердия, языками).

Поэт и Меценат могли кропать... Сонату? —
Нет; «Посвящение» Поэта — Меценату!

ШЕКСПИРОВСКИЕ ГЕРОИНИ

Заметив, что ее влюбленный бред
С пристрастием подслушан был в саду
Оброк Джульетта платит (разве нет?)
И женственной гордыне, и стыду...

Корделия вошла бы к тигру в пасть,
Чтоб устранить разъявший царство грех!
Офелия — должна в безумье впасть,
Чтоб грубые куплеты спеть при всех!

Чтоб Дездемону грешницей считать,
Ее сперва пришлось оклеветать...
Кто ж Вам подсунул, первый бард земли,

Сию Венерку, веприцу греха?
Вы кем угодно в жизни быть могли,
Но только не предателем Стиха!

*МАЛЕНЬКАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА «ВЕНЕРУ
И АДОНИСА»*

Задумалась. И слышу разговор уж
О том, что мысль моя антинаучна,
Что в снах Эрота есть, как снежна порошок,
С припека примостившийся беззвучно,

Знак чистоты. О, да. Но он — заморыш!
Тогда как пошлость и пышна, и тучна.
И если есть у вольных сценок сторож,
То он давно храпит благополучно!

Что хуже? Нож всадить Поэту в спину
Иль закрепить за ним сию картину
На все века? Нет, не Шекспир виновен,

Что сам Петрарка, чье ученье свято,
Здесь не слышней ключа под кучей бревен;
Шекспир не мог — так плохо слышать брата!

«ПЫЛКИЙ ПИЛИГРИМ»

Ура! Я снова улыбаюсь,
Листая сборник «Пилигрима»!
Вот и Шекспир... Но ни одна из
Певучих сальностей — за ним

Не числится! А кто ж был словлен
У пороссяческих корыт?
Сей весельчак — «не установлен»,
Мне комментарий говорит.

Венера? Ба! Адонис? Боже!
Которым ветром?! Почему
Вы — и в ничейных — так похожи
На тех, приписанных ему?

Что думать о приписке странной:
Здесь — упраздненной, там — сохранной?

* * *

И если б ничего не создал, кроме...

К. Марло

А ежели к рассказу о Венере
(Буфетной бабе, но куда срамней!)
Причастен Марло... Что ж. По меньшей мере —
Я увольняюсь. А ему видней.

С него отдельный спрос: он шаток в вере.
Могуч в сомненьи. Несколько бледней
Шекспира в драме. В нем дремали звери
Без кличек. И растенья без корней.

Шекспира он как раз настолько меньше,
Насколько меньше верил в скромных женщин
И в Господа. Он многих был умней,

Но если б ничего не создал, кроме
«Венеры», — то и в памяти моей
Не обитал бы, как в надежном доме.

*КРИСТОФЕР МАРЛО,
ИЛИ ГАДАНИЕ НА ЦВЕТАХ*

*Вплету в солому ряд цветов,
И пояс для тебя готов
С застежками из янтаря
И в бляшках, алых, как заря.*

К. Марло

Из красных блях, цветов и янтаря с соломой
Он пояс обещал своей любимой сплести.
Как яркоцветна вязь! А в ней — какой
знакомый
Дух непрактичности и преданности есть!

Тот будет поступать всегда неосторожно
И вечно цепи рвать, и вечно влечь ярем,
Кто верит, что сдержать в одной гирлянде
можно
Соломку с бляхами и розы с янтарем.

От тренья янтарей соломка распадется,
Цветы не выдержат соседства жестких блях,
Тому же, кто сдружить их чаял, — век
придется
У инквизиторов игрушкой быть в руках.

И, где-то в кабаке, Бог весть о чем радея,
Погибнуть под ножом наемного злодея.

Тот не безбожен, кто карьеры
Не бережет! В конце концов
Он мог восстать не против веры,
А против лжи ее жрецов.

Тот не безбожен, кто неверье
В сычей хранит! Но пал поэт —
И грифов траурные перья
Пред ним заткали белый свет.

С отчаянья — свой горний чин
Еще в долинах мытарь тратит!
Пав духом, сам Шекспир подхватит,

Крамольный, Марло, твой почин,
И нрав твой, твой конец, твой принцип,
Быть может, вспомнит в «Датском принце».

ШЕКСПИР И МАРЛО

Уайтхед, перечисляя пьесы Марло, такие, например, как «Пуританка», приписываемые прежде Шекспиру, замечает: «...трудно поверить, что он (то есть Шекспир — Н. М.) не высказал никаких возражений, когда пьесы появились в печати».

Зачем он не открыл, что пьесы Марло — тоже
Ему приписывались? Бог ты мой! Затем,
Что для замешанного в марловском «безбожьи»
Заранее готов был марловский «эдем».

С крюками, с дыбами, с костром под книги,
с тем
Инструментарием для обдиранья кожи,
С которым «благостные пастыри» похожи
На адских выходцев (и тут уж без проблем!).

Итак, Шекспир сокрыл приятельскую лиру.
Но где? На площади, среди народных масс!
Он дал еретику подмости, плащ, рапиру...
Под именем своим он имя Марло спас!

Труд Марло не пропал: благодаря Шекспиру,
Где в маске, где ползком, а ведь дошел до нас!

ТОТ ВЕК...

Тот век, по нашему суждению,
Красно-зеленой был морковью:
Ботва взлетала к Возрождению,
А корень пёр к Средневековью,

Страшась расстаться с ним; оставить
В нем то, что многим кайф сулило...
Средневековье никогда ведь
И никуда не уходило!

Покуда Подвиг, Труд, Веселье
Земной поверхностью владели,
Оно сползало в подземелья,
На срок (примерно в полнедели).

И, зацепив петлей за шпору,
Прохожих втаскивало в нору...

«ВСЕ ЭТО», ИЛИ ДЕСЕРТНАЯ ЛОЖЕЧКА

*Я не причисляю себя к восторженным
поклонникам пресловутого Барда...*

Уайтхед

*Простому человеку безразлично, кто был
автором пьес, написанных, как его учили...,
Шекспиром, пьес, которые уже настолько
ему надоели, что он... едва переступив
порог школы, выкидывает в с е э т о из
головы.*

Уайтхед (Разрядка моя. — Н. М.)

Угомонись, дитя поп-арта!
Зачем даешь такой сигнал,
Чтобы — уже со школьной парты —
Никто Шекспира знать не знал?

Ты, вижу, горд, как та невеста,
Что всем грозит (каргой — карга!)
За принца — не сойти ей с места! —
Не выйти замуж никогда?

Но, впрочем, вы с Шекспиром квиты,
Скучающий ами кошон:
Он — не видал твоей защиты,
Ты — счастья чтить его лишен.

Тому не в пользу пир, вестимо,
Чья ложка так маловместима!

ВТОРОЕ ПРОЧТЕНИЕ

«Голубку с фениксом» перечитав прилежно,
Назад беру слова, что это «не Шекспир»!
Конечно, здесь еще пока не ювелир —
Гранильщик молодой, — но будет неизбежно

Великим мастером! О, Боже, как мятежна
Стихия поисков! К открытию впритир
Вдруг оступаешься... Пока скакал на пир, —
Уж кто-то твой бокал опустошил небрежно...

«А если это так, — мне говорит Приличье, —
Раз красноречие в сетях косноязычья
Запуталось, — молчи!» Но... как мне быть немой?

Могу ли я застыть, подобно изваянью,
Когда враги спешат предать, Учитель мой,
Блестящие твои знамена — осмеяню?!

РОЛЬ ТЕНИ И ТЕНЬ РОЛИ

*... — Ну и выступал он в роли Тени убитого
короля, потому что очень уж плохой
актеришка был...*

Из услышанного в интеллектуальной толпе

В том нет зазорного, что, в драму смело въехав,
Роль Тени короля играет лицедей:
Зазорнее — по мне — тень в роли человека,
Ничем не связанная с миссией людей.

Тень короля сыграть почетней (слышишь, «гений?»),
Чем тушу Клавдия. Хоть Клавдий жив и здоров.
Тебе же не сыграть и клавдиевой тени,
Хотя б на роль ролей ты «выбил» право прав.

Неужто и в веках (и в сказках, и на сцене),
По рангам да чинам ты всех решил развесть?!
Чтоб роль живых ослов считать за повышение,
А роль пропащих львов — за унижение счесть?!

Однако «равенства» запальчивый поборник
Не может не следить, кто пэр из нас, кто дворник.

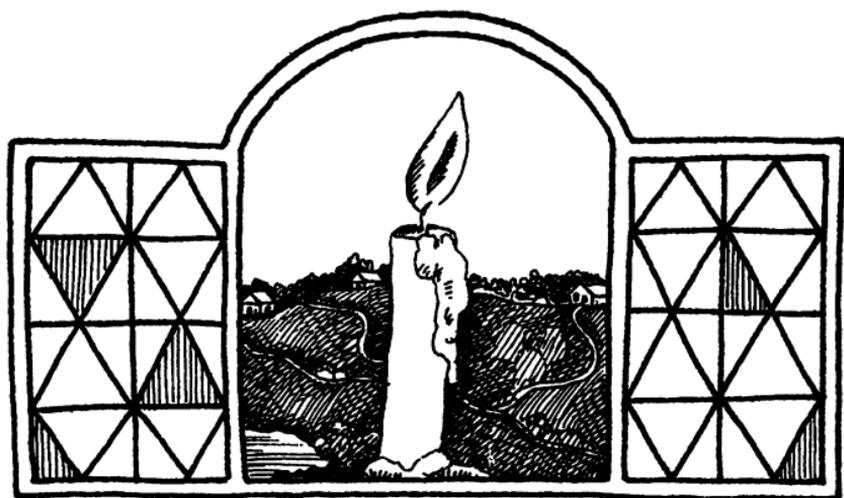
ПОЛИТИКА ПЕЧАЛИ

Крутись, невидимый станочек!
Твой ход сокрыт, а суть — ясна:
Без одного сонета к ночи —
Не получается и сна!

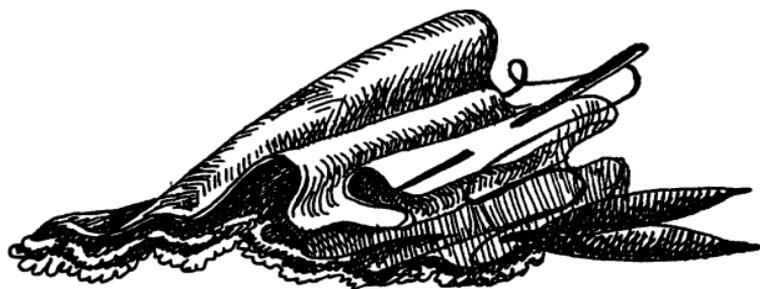
Но от одной лишь мысли хитрой,
Что сочинителя чуть свет
Ждет на невидимом пюпитре
Недоработанный куплет, —

Я устремляюсь к дальним пирсам,
Ко дням, когда Шекспир был юн...
(Не с Бэкона ли Эдмунд списан,
Хоть Бэкон прям, а Эдмунд — вьюн?)...

Но главное, о Мельпомена,
Что я засну всенепременно.

малые
циклы

*О матросах,
забытых
в глухом океане,
О бездомных,
о пленных,
О многих других...*

Ш. Бодлер

Предзвук

I

К СОНЕТУ

На четырех, на бронзовых своих
Широких ножках, вроде львиных лап,
Четырнадцатистрочный прочный стих
Стоит в веках — и сдвинулся хотя б!

Он помнит многих всадников лихих,
Сражений дым, звон шпор и конский храп,
Дождей дубравных шум и пестрый крап,
Гитар бренчанье смугло-золотых...

Лишь грезу: полуявь и полусон,
Химеру, полусумрак-полусвет,
Сомненье, страх, беззвучный, как роса, —

Лишь безотчетность презирает он.
Но... есть в ночи и эти голоса;
Нам стоит к ним прислушаться, сонет!

II

ПРЕДЗВУК

То, что свечу горящую в посуду
Стеклянную не ставят, было мне

Известно, но... забот ужасных груду
Свалив, я на прозрачном скакуне

Огонь скакать оставила. Простуду
Спеша избыть, в деревне, в тишине
Я пребывала в честном крепком сне,
Всем треволнениям ставящем запруду.

Вскочила я... И в следующий миг
Фитиль свернулся. Пламени язык
Лизнул стекло; стакан, взрываясь, лопнул...

Но он еще был цел, когда я вдруг
Вскочила! Разбудил меня не звук,
А сам *предзвук* — его чудесный лоцман!

III

ЛОЦМАНСКОЕ

Кто обгонял быстрееших безрассудно?
Кто меньше спал, чем самый чуткий кормчий?
Резная — на носу морского судна —
Фигура — талисман от зла и порчи.

В далекий мрак, за страны Трапезунда,
Вперяя взгляд впередсмотрящих зорче,
В седую рань подводных чудищ корчи
Кто, ей подобно, первый видел смутно?

Из «Сонетов Гамлету»

I

Смерть Гамлета — всю кожу бы до мяса
Посодрала! — когда бы между терний
Горацио не реял плащ вечерний,
Когда б ни встало утро Фортинбраса.

И жизнь, и смерть несомны в равной мере.
Но тихий, заговаривая горе,
Горацио стоит на косогоре...
И Фортинбрас, прозрев, разносит двери...

Воистину велик могучий трагик!
Не потому, что страсти в душах будит,
А потому, что лбы ладонью студит,
Что белые послам вручает флаги

И, в полутьме, над раненою сказкой
Склоняется с прохладною повязкой.

II

ДУХ

Отец твой умер, Гамлет. Но, как дух,
Живым глазам земного очевидца
Во всеоружье может он явиться.
А значит, край, где бродит он, не глух;

Туда доходит звук твоих шагов,
Тень дум твоих... Но против этих правил
Страна, куда ты сам сойти готов,
Куда — гонцом — Полония отправил.

Ты видишь духов, слышишь их слова,
И все-таки... не веришь в мир загробный.
Так, может быть, загробных мира — два?
В одном не спят, другой — для снов удобный?

Бессонный — для убитых королей,
И непробудный — для тоски твоей.

III

Живой да будет каждая строка!
Из жизни черпай злато размышлений!
Но жизнь — помилуй! — разве так ярка
И так сильна, как выраженный гений?

Не хмурь многозначительно бровей,
Не покрывайся складками страданий!
Всего полней (не спорь!), всего живей
Жизнь гения и жизнь его созданий.

А нет, — оспорь Шекспира. Вот где зло!
...За окнами бушует Лондон ярый:
Там с ловлей фактов больше бы везло, —
А он корпит над летописью старой.

Не в жизни взял: с пергамента «списал»!
Но кто нам сердце глубже потрясал?

1960-е

Сонеты Лэму*

I

Дивлюсь: как я могла, — на гребень невезенья
Ступив, томясь душой, теряя счет заботам, —
Так долго избегать чудесного спасенья,
Запрятанного впрок под темным переплетом!

Как я могла — с хандрой мешая потрясенье
И судорожный бег с насильственным полетом —
В тот безотрадный край пускаться за Мельмотом,
Где бездн из тусклой тьмы стоокое глазенье?!

Не грех ли: унывать и упиваться ядом
Отчаянья, когда бальзам целебный рядом?
Когда на помощь к вам рад кинуться с отвагой

Великодушный Лэм! — чьи шутики так учтивы,
Чьи слезы так чисты с их безответной влагой,
Так мужественна честь! Так часты смеха взрывы!

II

Да. Память — Ваш конек! Клячонкой золотушной
Ее прозвал бы хлыщ и выставил взашей.

* *Чарлз Лэм* — английский писатель-романтик начала XIX века. Был ценителем и поклонником вещей и явлений, в его время считавшихся «старомодными» или «устарелыми». Основным в его наследии считается сборник блистательных эссе «Очерки Элии».

Иные люди мне чудны, ей-богу!
Нос по ветру держать и с веком в ногу
Вышагивать — на их наивный взгляд

Одно и то же! Мучаюсь вопросом:
Ну как так можно?! — путать ногу с носом
И все-таки стремиться в первый ряд!

IV

Обязывает музыка земная,
Небесная — покой приносит мне.
Кантат академических не зная,
Прислушаемся к песенке во сне.

Так отдыхает пахарь в тених мая
На буковом иль на вишневом пне;
Так, от фиоритуры — к тишине
Перескользнет, — опять полуемая! —

Весна... И в рощах лень... Так чуткий Лэм
Не хочет слушать музыку совсем!
Зато он слышит в громе экипажей,

В мальчишеских вечерних голосах,
Как Темпль молчит... А там, быть может, даже
Как полночь бьет... на солнечных часах.

1981

Чарльз Чаплин

I

*...Но кто же выслушает
рваного такого,
Из грусти сделавшего
свой авторитет?*

Из поэмы «Ключи от клуба»

Смотри в корни!

Козьма Прутков

Смех Чаплина подвел черту под клоунадой
Всех клоунов на **всё** дальнейшее. Ну что ж...
Где Маленький прошел, там супермен — хоть
падай,
Но (как съязвил бы шкет): «Фиг — бомжа
превзойдешь!»

Придумать усики **другие, а не эти,**
Попробуй кто-нибудь! Немыслим новый трюк.
Так не почешется уже никто на свете!
Никто — сползающих — так не подтянет брюк!

Достигнуть Чаплина! Но... разве, из-под плетки?
Как подражать людей затравленных походке,
Их **не любя?** (При том — не вызвав град
камней!

Как вещь смонтировать, чтоб чистым
в святотатстве,

Чтоб честным быть **во лжи**, несчастеньким —
в богатстве,
Ну, словом, гением — в бездарности своей?!

II

ЕСТЬ КОМИКИ С ДУШОЙ...

*Есть комики с душой.
Но, рассуждая строго,
Прямых учеников у Чаплина не много.*

Из поэмы «Ключи от клуба»

Есть Райкин, есть Никулин... И еще
Актеры есть находчивее многих.
И вдруг... заметишь ты, как горячо
Участвуют они душой в далеких

(И столь недавних!) «Новых временах»
Невозвратимой чаплинской эпохи,
Где у кофеен подбирает крохи
Бродяга Чарли в латаных штанах!

Ты, мания величия, враждебна
Всему, что справедливо и волшебю.
Но люди Сердца поняли давно:

Ничто так не рифмуется открыто
С **величием**, как срочная **защита**
Отверженных! И в жизни, и в кино.

январь 1995

III

ВЕЛИЧИЕ?

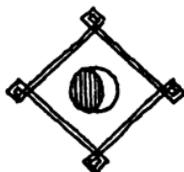
Величие мы часто видим в том,
Чтоб, ни греха не чуя, ни вины,
Напасть на безоружного — гуртом,
Впотьмах, из-за угла и со спины.

В кощунстве — там, где во скиту святом
Жил мученик. В грабительстве казны.
Величие мы в девках видим... В том,
В чем непотребство видеть бы должны.

Мы с виду — хоть куда! (Хотя не раз
Со стороны подошвы видел нас
Щенок бездомный, сын пинков и травль).

Но в грозных сечах нам страшнее всех —
Бунт роз. Ягнячье право. Мертвый лев.
И хиросимский маленький журавль.

1983—93

Взрослые и дети

– Музыка для всех...
– А музыкальные школы?

Из подслушанного случайно,
в толпе

1. СОНЕТ ПРОЗАИЧЕСКИЙ

Ребенок лет пяти бряцает на кефаре,
Которую Орфей использовал в аду,
На старых глюковских органах лучших паре,
И не в какую-то пастушью там дуду

Дудит (в пустых сенцах, на сельском холоду).
Нет-с! Правь равнение на скрипку Страдивари!
Но я, пока в реклам горячем угаре
Газеты празднуют его судьбу-звезду,

Не любопытствую: кто он такой? Готовый
Сальери-скрупулес? иль вправду Моцарт новый?
Педагогичен лавр иль нет над молодцом?

Иные что-то всё мне лезут в мысль моменты:
Где крошка раздобыл такие инструменты?
И сколько выручки у матушки с отцом?

2. «ПОКА ТРАВА РАСТЕТ...»

Пока трава растет, хилая лошадь может околей.

Английская пословица

Пока, подобные зевающим тридакнам,
Спят сонмы секретарш на дне бегучих дней;

Пока трава растет; пока держал редактор
В столе «Историю неравенства детей»,

И обо всем, что в свет мешает выйти ей
(Таким, как «ряд причин» и «объективный
фактор»), —

Пока он созидал отписок полный трактор
(Про аэробiku дав тысячу статей);

Пока он размышлял: давать ли «Разнотравье»,
Но прятал в сейф трактат «Ребячье равноправье»
И «Музыку для всех» — еще сто тридцать школ

Открылось барчукам для игр на клавишине
(Стекло, керамика, свет, воздух, мрамор синий),
А сын уборщицы в них снова не вошел.

3. ПЕРЕВЕРТЫШИ

*Ситичка-невеличка испугалась мальчика.
Это на него хорошо подействовало. ...Я не
скажу ничего нового — страх должен
быть изгнан из мира ребенка.*

Г. Данилов

Зачем так говорить, что в страхе дети чьи-то?
Пред ними классный мэтр от ужаса чуть жив.
И надо ль «птичкою» стращать их нарочито,
Рогаткой против птиц вперед вооружив?

Вот вырастет сынок и, камень заложив
За пазуху (а пасть — величиной с корыто!),
«Не будешь впредь крылат!» — возопиет
сердито,

Гнездо крапивника булыжником расшив.

Но страх, как следствие бесчинных дел, при нем
Так и останется. (Помеченный тем днем,
Когда вписали мы парнишку в сорт особый.)

Да. Тщетно из него растили храбреца,
Все та же трусость в нем пребудет до конца, —
Вещь, нераздельная с жестокостью и злобой.

4. ДЕТСТВО ЗОЛОТОЕ И ДЕТСТВО МЕДНОЕ

Внушала музыка мальцу отврат предельный,
Хоть по рукам его за то бивали строго.
Но в доме жил рояль, ребенка враг смертельный,
И, как ты ни вертись, а всякая дорога

К нему вела, к нему! А там — на канительный
Помост искусств... (Прощай, футбол, торговля,
йога

И ярый каратэ! Здоровы будьте много,
А я лечу на блеск известности поддельной!)

И вот уж новый Лист летает на гастроли...
А мне все помнится картинка: двери в школе
Полуотворены. За партами детишки,

А в класс подглядывает с улицы украдкой...
Кто ты?! Мне не забыть тебя, утенок «гадкий»!
Тех чинных лапотков, той важной взрослой
стрижки...

1980-е

Новые старые моды

I

Когда морей грозе — Елизавете
Отлили платье весом в добрый пуд,
Ей самые широкие на свете
Фасоны плеч понадобились тут!

И то сказать! Неправый, правый суд
Вела; плела иль рассекала сети, —
Всю Англию держали плечи эти
С чугунным гнетом бедствий, войн и смут.

А ты что скажешь, наших дней мотовка?
Твой гардероб — что? — к трону подготовка?
Зачем, восстановитель старых мод,
Ты сшил ей *королевские* надплечья,
Да не пришел к ним (вот противоречье!)
Всю тяжесть *королевскую* — забот?

II

И вновь — старинность мод. Но нет и речи,
Чтоб экс-картуз достался впрямь — Гаврошу
И чтоб елизаветинские «плечи»
Несли елизаветинскую ношу.

И чтобы шляпы пасторской, — порошу
Ловящие, парящие далече

Поля, — приоткрывали бы при встрече
Благочестивца нам, а не святошу!

Мелькают перья, мантии, короны...
На что так дружно намекают сразу
Все это замечательные лица?

На то, что все они — наполеоны
Святых Елен? Но все, как по приказу,
Без Ватерлоо, без Аустерлица.

1990

Конец авантюризма

*Он, я знаю, считает себя очень
ловким, потому что поступает
подло...*

Б. Шой

I

СУМЕРКИ ГРЕХОВ

Старинные багровые светила
Больших грехов склонились на закат,
Но добродетель их не заменила.
На смену — похотлив, жуликоват —

Пришел Грешок. Но многие твердят:
«В нем — демонизм, огонь, свобода, сила...»
Что ж, повторим: столетья три назад,
Наверно, в нем, и правда, что-то было?

Когда он виселицы украшал,
Монастырей каноны нарушал
(По грозной схеме: Страсть. Позор. Темница...).

Но нет картины жальче и мерзей,
Когда, свободный, с помощью друзей,
Трус и пошляк над честностью глумится.

II

КРАХ АВАНТЮРИЗМА

Не поминай Дюма, узнав авантюриста.
Увы! Сей рыцарь пал до маленьких страстей
И ужас как далек от царственного свиста
Над океанами терзаемых снастей.

Уж не фехтует он. Верхом в ночи не скачет.
Не шутит под огнем, на голову свою.
А трусит, мелко мстит, от ненависти плачет...
По трупам — ходит ли? О да! Но не в бою.

Неведомы ему и той морали крохи,
Что знали хитрецы напудренной эпохи:
Он даже **дерзостью** их вольной пренебрег,

И **наглостью** берет (нарочно спутав слово).
Ах! Добродетели падение не ново:
Новее наблюдать, как низко пал порок.

1969—71

Познание

I

СТРАХ ПОЗНАНИЯ

Познание — скорбь. Как на огне каштан
Трещит по швам, так сердце рвется в Хаос.
Но страх познания кончится. А там —
Опять начнется радость, доктор Фауст!

Та радость будет высшей. Но усталость
И вековечный страх мешают вам
Из-под руин отрыть бессмертный храм.
Хоть до него и дюйма не осталось.

Смертельно страшных шесть открыв дверей,
Ученый муж захлопнул их скорей,
Седьмой же — и коснуться побоялся.

А именно за ней рос чудный сад,
Где пел источник, вспыхивал гранат
И день сиял и тьмою не сменялся.

II

КАК ЭТО СДЕЛАНО?

Мир — цельным вижу я, как юноша Новалис.
Мир — песня, спетая одним движеньем губ.

На звуки разломать и песню рад анализ,
Но звук, отщепленный от песни, — страшный
труп.

Мы тайной бытия силком овладеваем.
Вопросы праздные натуре задаем:
Как пламя сделано? — и пламя задуваем.
Как песня сделана? — и больше не поем...

Не странно ль? — тьму считать исследуемым
светом?

Возрясь на проигрыш, судить о барыше?
Взорвать — и смерть вещей потом считать
ответом

На каверзный вопрос об их живой душе,

Отчаянно стремясь понять по разложению
Мир, только в целостности доступный постиженью!

1968—72

Остается добавить...

1

Когда моим простым хорям
Ученость книжну ставят в счет,
В мою защиту (шиш злодеям!)
Мое невежество встает.

Да как же может зваться тот
И книжником, и фарисеем,
И просто даже книгочеем,
Чья норма — строчка через год?

Мой выбор чтенья слишком сдержан:
Не до за книживанья тут!
Нелюбопытство — вот мой стержень.
А книжность — качество зануд,

Ищите не в литературе,
А в вашей собственной натуре.

2. «КНИЖНОСТЬ»

Веселый Бомарше, Торквато величавый,
«Суровый Дант», Гомер, Глюк, Моцарт, Апулей,
Вержье, Парни, Грекур, Шенье, Назон, Орфей,
«Фернейский злой крикун» Вольтер... Эрот
кудрявый,

Мом, Феб, Анакреонт, Эол... Страна теней
Эллизиум... Плутон. Парнас. Пифон кровавый.

...Сталь, Дидерот, Руссо... В красе и силе всей
Весь восемнадцатый с его задорной славой;

Фонвизин. Дон Гуан. Баян. Лорд Байрон. Во —
Литературщина! Во — светопреставленье!
Сам Пушкин (дожили ведь, братцы, до чего?)
К другим писателям пошел на иждивенье!

Грех, батюшка, от книг. «А чтобы зло пресечь»,
Так надо бы «собрать все книги, да и сжечь»!

3. ПРОВОЛОЧНЫЙ СКВОРЕЦ

За нелакейство чувств — «литературным»
Прослав, преодолеешь ли когда
Наветы, стих мой? К тогам и котурнам
Отброшен ты на долгие года.

И кем! Как раз картонным (вот беда!)
Каркасным, как бы вовсе бесфактурным,
Скворцом! Аранжировщиком ажурным,
Составленным из хитрости и льда;

Слепым копировальщиком, арбитром,
Чья рыба кровь искусственности литром
Разведена; кто видит не предмет,

А тень его, сто тридцать третью сразу;
Кто перехватчив на чужую фразу,
Но в ком самостоятельности нет.

4. ОСТАЕТСЯ ДОБАВИТЬ...

Как непрозрачность волн (где столько
крокодилов,
Что к ним невольно был прикован много лет
Настороженный взгляд, — от илистых настилов
Неотрываемый, хоть в этом толку нет,

Когда твой свайный дом защитой не одет),
Так наблюдала я подводный ход зоилов;
Их очи слезные среди камней унылых,
Их наставительность, набегом новых бед

Грозившую... А там, передо мною прямо,
Бесценной выделкой блестя, как башня храма,
Стояла Критика — праматерь всех наук!

Глаз на нее не смев поднять, могла ли знать я,
Что виснет и на ней напраслины проклятье?
Ведь та же фауна и та же хлябь вокруг...

1986

Мщение Феба

1

В те дни, как небожители с высот
Неслись, подобно горному потоку
(В руках тимпаны, цитры, дикий мед),
На праздник, в дол, богиней Флорой к сроку

Разубранный, — тут прыгал, где-то сбоку,
И козлоног — тот мелкий скотовод,
Что лишней краской в общий холст войдет,
Но, сколько бы ни сеял флирт и склоку,

Не станет в центр и не возглавит пир.
А ты, копытен, в опусах своих,
Лишь походов логичку усвоив,

Скажи: на кой нам в лирике Сатир,
Коль скоро нет в ней истинных героев —
Полубогов, богинь, богов самих?

2. МЩЕНИЕ ФЕБА

Ах, даже **ты** несправедлив,
Феб, — шкуру с Марсия содравший!
Что говорить — поступок страшный
Для бога! Но останься жив

Сатир-завистник, легионам
Жрецов тогда б не угадать
(Хоть за версту козла видать!) —
Что сделал бы он с Аполлоном!

...У козлоногих торжество:
Их флейты — в ряд, их шкуры целы...
Но их загаженные стрелы
Убили друга моего.

Христос простит врагам твоим?
Но тяжко **Феб** оплатит им.

3. ИЗ НАШИХ РАЗГОВОРОВ

*...за себя мы вам простили,
Но не простили за других.*

И. Кнуру.

Да! На врагов чуму наслал
Огневолосый гневный Феб твой.
Да! Шкуру с Марсия содрал.
Но, отравляющего хлеб твой,

Завистника жалеешь ты,
Как Марсия... Постой немного —
Увидишь много правоты
В поступках греческого бога.

Кого он, бишь, косил чумой?
Да тех, кто летом и зимой
Крушеньем людной Трои бредил.

А тот, чью зависть обезвредил
Дохристианский бог — почто ж
Так... на Антихриста похож?!

январь 1995

Ландыш-белошвейка

1. ПОДОБНО ЛЕБЕДЮ...

Как лебедь прячет голову в крыло,
Так ландыш прячет в листья венчик дикий,
Чуть только май затеплит свет его
В сухой тени, где зелень земляники.

И там, где руку мне в ручье свело,
Где пух совы летает, в солнца блики
Вплывая, где, крутой, в сорочьем крике,
Обрыв шагам давался тяжело, —

Как я искала в детства куцах пестрых
Такую связку росяных наперстков!
Как если бы и всех грядущих лет

Моих судьба зависела с рожденья
От слабого душистого растенья
И от того, найду его иль нет.

2. ПОИСКИ

Как связка нот растительных, а с ней
Скрипичный ключ, поднявшийся несмело,
Он мог напомнить песню белошвей,
В цветущих колокольчиках прострела

Закрепощенную; ничьих ушей
Еще не достигавшую; всецело
Пропавшую, как брошенное дело.
Но я ищу уже так много дней

Свой ландыш! Ну а вдруг — найду? На шею
Себе же? в доме теснота и копать:
Пристроить гостя — нет ни уголка!

Так, не его искала я, должно быть,
Приняв стиха растущего идею
За поиски далекого цветка.

3. ЛАНДЫШ-БЕЛОШВЕЙКА

Как девушка над рукодельем
И как чепец ее склоненный,
Так ландыш выглядит отдельным
И замкнутым в семье зеленой.

Тут налицо характер цельный.
Шелк белый. Ниток воз. Плоёный
Батист. Заказ определенный
И строгий срок работы сдельной.

У мастерицы сверхзадание.
Она боится опоздания,
Но вид у ней непроницаем.

Ждут полотна от девы где-то...
И заглянуть уж мы не чаем
В лицо ее к исходу лета.

1970-е

Третья Коринна

I

«Не пей навар из неизвестных трав,
Страшись влиянье гениев усвоить:
Оно тебе не меньше будет стоить,
Чем три наследства пасынку без прав».

Так я должна была себя настроить
В ребячестве еще! Но, не поняв,
Как толщу моря может шторм утроить, —
Я не проверила мой батискаф.

С кем совещалась? Лишь с учителями
Души своей. Хотя они и сами
Не знали в жизни выходов простых.

И что приобрела на их примере?
Находки... о, поменьше, чем у них!
Но их потерям — **равные** потери.

II

И ВДРУГ...

*Удержи меня, мое презрение, —
Я давно отмечен был тобой.*

С. Есенин

Когда моя, порой неистовая, речь
Поскачет кочками, галопом увлеченным,
«Ироники» всегда спешат меня осечь
Каким-то чопорным прохладно-ровным тоном:

Восторг мой наказать, унять его поток
Отменной сдержанности собственным примером;
«Манеры» мне привить (как если бы к манерам
Безукоризненным... яд относиться мог!)

Им любо вас водой холодной окатить
И как бы скрыть зевок... Ан — все-таки
не скрыть.
Вот так воспитанность! Поймите ж! Дерзость
эта...

И вдруг — в неслыханной душевной тишине —
Открыть: Все зевки и все «зеваки» света
Отныне и навек **неинтересны** мне.

III

СОЧИНИТЕЛЬНИЦЫ

Их ждали все дома и все каминь,
А все людские кланы — обижали.
И сколько я их помню, все коринны
Весь век свой от кого-нибудь бежали.

И ноги их, как тех волчиц, кормили,
И руки их вдоль туловищ лежали,
И пальцы — столько раз! — они разжали,
И перья (пишущие!) уронили,

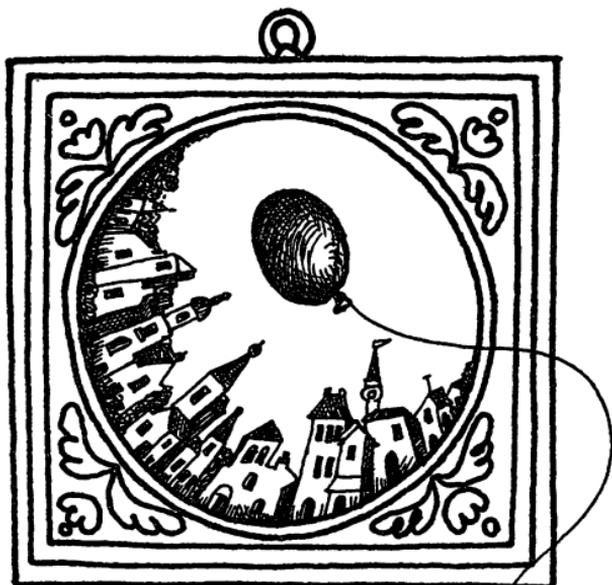
Как лебедь в море, — столько раз!.. Куда ж
вы?

Не к детям? — Нет. Детей не завели мы,
Не то весь мир, в кустах засеяв, расправой

Грозил бы им. Нам дети — книги наши:
Пусть хоть они к друзьям (от бедствий славой
Отгородясь), придут, неуязвимы.

1960—94

РОССЫНЬ I

За санаторием, что скован «мертвым часом»,
Чья задняя стена к реке обращена,
Обрывы лепятся к сияющим террасам,
Цветут подснежники и носится весна.

Спускающимся в ров крапивным темным массам
Значительность лесов дарует тишина.
Весенний склон горы — как дикая страна
С глядящим из кустов печальным папуасом...

Не бойся «странности», в душе хранимой свято!
Не бойся лестницы, с которой вниз когда-то
Скатился красный мяч... И укатился он

Туда, где страх весны и детский ад крапивы,
Где по террасам спуск вдруг перешел в обрывы,
Подснежник — в горький плач, и остальное —
в сон.

1969

МОСТ НА ЯНЦЫ

Над желтой Янцыцзян мост железнодорожный.
Какой гигант его воздвигнул неизвестный?

Ах! Поезд проскакал, издав свисток
тревожный...

Но людям здесь — нельзя; так редко свит
железный

Платформы переплет над видной в дырки
бездной.

Но кто (почти ползком) тут брел,
неосторожный?

Две девочки по той решетке невозможной
Над бешеной Янцы держали путь совместный.

На мыловаренный завод глаза распялив,
Далёко забрели... Закат прохладный палев.
И вот, перебирая мост, идут как вяжут...

И снова поезд их, летя, прижал к перилам...
Потом одна из них мне это перескажет:
То было с матерью моею в детстве милком.

1981

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАТЕФОНА
(Или Два чуда подряд)

Как бригантина, в путь пускается мембрана
Заливом черного сияющего диска,
Где лунная дорожка моря, как ни странно,
Мне блещет вдалеке и, в то же время, близко!

О песни! Я могу их слушать невозбранно!
И на суконный круг пластинки класть без риска
Грозы! Как будто бы зарей, пустынно-рано,
Мне вверена с Гель-Гью и Лиссом переписка...

А все ж дрожит рука! И мнится: человечки
(С мой глаз!) поют внутри машины молодецки,
Но выход им закрыт из впадины зеркальной...

Шло время. Я сама с Утесовым знакома!
Он вольный, не в плену! Он ростом
натуральный!
С ним дочь его Эдит. И я у них — как дома!

1966—80-е

МОРОЗ

Дед-лесовик не досчитал до ста,
А по снегам уже ветвится мгла.
Уже закатным облачком хвоста
Свой синий след лисица замела.

В святом венце сверкающего льда,
Как девы лик, чернеет брешь дупла.
Стеклянный ёж — Полярная звезда
Над голубыми соснами взошла.

Как битое стекло, звенит мороз,
Железом пахнет серый лунный свет,
В оплывах снега дремлют пни берез
Огарками задутых ветром свеч.

Лишь над берлогой слабый дух тепла
Дрожит, как пар над крышкою котла.

1960

Глухой зимы коснеющий триумф.
Подобнокладам, реки на замке.
Вдали снегов извозчиный треух
Простер крыла, как муха в молоке.

Сжимает стужа влагу в кулаке.
(Прольет ли каплю, пальцами тряхнув,
Весной далекой?) Ворон на суке
Молчит, ни слова, — точит серый клюв.

Внутри зимы, в пустых ее сенях,
Я, ворон да извозчик на санях —
Три тени на серебряной стене.

Но от саней давно простыл и след,
А ворон так по-летнему одет,
Что (провалиться!) — холодно и мне.

1968

Шафранные дорожки зоопарка
Я исходила вдоль и поперек,
Но было в нем не так светло и жарко,
Как я воображала наперед.

В моих мечтах пестрей была цесарка
И лев желтей, и толще бегемот...
Ну что за слон? Вот мой — придуман ярко:
Мой вашего — хвостом перешибет!

Как не похож на призрак, на мельканье,
Воображенный мир, где я жила!
Где холод камня — каменнее камня,
Где звон стекла — стеклянное стекла,

Где сны — всерьез. И где железный скрежет
Острей железа руку вдруг порежет!

1963

Из цикла «Третья Коринна»

ИЗ МЫСЛЕЙ НЕ К НОЧИ

Я в общежитии, веселом и просторном,
Затворницей жила. И тут ко мне, злодейка, —
Из комнаты в другом коленце коридорном —
Ходить повадилась одна общежитейка.

Жила-была тоска в ее уме упорном,
Безвинная на вид, как в клетке канарейка,
Но любопытная и дерзкая, как змейка,
С улыбкой ждущая зевак, таясь под дерном.

Мы схожи были с ней, как егерь... и кадило!
Так что ж, рожон возьми, она ко мне ходила?!
Ее влекла ко мне мысль, лакомее меду, —

Мысль — утомить врага! Столкнуть
«оплошным» локтем
Чернильницу мою... А завтра — в перьях
с дегтем —
На кольях прокатить моей души свободу!..

1987—92

КРЫСЫ

И — снова ночь без сна! Чердак над потолком
Все лето полон крыс! Бросающихся грозно
То в пляс, то в конский топ, то мчащих
кувырком:

У них бурлящий писк и мерзко-виртуозно

Кудахчущая трель... Встаю, пока не поздно
И зной не сжег росу. По травке коlobком
Катался серый кот. Он не был мне знаком,
Но глянул так хитро́, так весело-серьезно!

Полжизни позади, и дивам счет потерян.
Но не встречала я — могу заверить вас —
Столь заговорщицких, волшебнo-хитрых глаз!

Наслышан, зелен, храбр, добр, дик, самоуверен,
Мне взгляд кота сказал: «Я знаю тайный лаз
И тех... на чердаке... я извести намерен».

1978

АМЕРИКАНСКИЙ КЛЕН

Американский клен крылат, разлат.
И хоть не слишком лист его широк,
Ты слышишь ли, как Штаты в нем шумят?
Он тоже целый мир, а не мирок.

Тебе он даст понятие, как строг
Филадельфийский храмовый фасад,
Как мощен Ниагарский водопад,
Как питтсбургский был ясен вечерок!

Как он сиял какой-нибудь семье,
Сидевшей перед домом на скамье
В те времена, когда изобретен

Был первый океанский пароход,
На чьи гудки сбегался весь приход...
Вот ты каков, американский клен!

1980-е

КОННЫЕ СКАЧКИ НА СХОДНЕ

Обоих берегов обрывистый рельеф,
Всяк выступ, всяк изгиб усеял пестрый люд.
И неподвижность лиц толпы, и тайный гнев
Галопа конского — как вихри сшиблись тут.

Жокей несется вскачь, многонедельный труд
Весь в этот миг вложив. Но вдруг барьер задев
И через голову коня перелетев,
Он молча терпит боль и гордо — общий суд.

Чу! — новый скачет к нам... Не шелохнулся б
листь
Ольхи!.. Вдруг... чад, вонь, треск: взбурлил
мотоциклист!
Стой! Кто ты, маска-шлем? А впрочем, наугад,

Могу сказать: подлец. Подл, кто не дорожит
Ни ароматом трав, ни топотом копыт,
Ни тем, что девять сёл за всадником следят...

1975

ИСКРЫ ЛУНЫ

Осенний лунный свет стекает с полотенец.
Роняют лист в ночи притихнувшие липы.
Слепящий мрак раскрыл немало тайных зреньиц:
Блеск мыльниц, пепельниц... Там — книг
мерцают кипы,

Там — гвоздь, как звездочка... Печальны
лестниц скрипы.
Как темный вампум, спит на стенке красный
перец.
Слегка светясь во тьме, кульки в шкафу
без дверец
Подмигивают нам, как сказочные типы.

Крюками каперов бывав обшарен часто,
Гоним то штормом, то акул безглазых парой,
Чу! — снова, как фрегат, свободный от балласта,
Дом выпрямляется, треща обшивкой старой.

Лишь — призрак тех невзгод —
в предутреннем тумане
Большое дерево встает, как вал цунами.

1982

В долгах мы. Как Сервантес! В виде шутки,
Кому он должен был, давай считать.
Жене-пройдохе. Дочери-малютке,
Гутьерресу, умеющему ждать.

Родителям. Дали-Мами — пирату.
Царя Гассана властной пятерне.
Казне. Святому Братству. Просто брату.
За хлеб. За воду в долговой тюрьме.

За путаницу при налогосборе.
За свет в окошке. За корабль в море.
Ну, а ему? За подвиги его?

За ту, в боях простреленную руку?
За «Дон Кихота»? За добро и муку?
Ужель никто не должен ничего?!

1982

«КОМАРИНСКАЯ»

Кора дерев скопировала горы,
Их скаты и хребты в миниатюре,
Палящие на безднах без опоры...
А лист еще хранит прохладу бури.

И скоро, из своих миниатюрем,
Выламываясь в тихие просторы,
Выдрючиваясь в злой карикатуре,
На самый нежный танец Терпсихоры

Помчатся комары... В раздумьи праздном
Идем-бредом в столбе их неотвязном,
Отмахиваясь ветками, — и все же,

Вновь позволяя наносить нам раны,
Поскольку нет от них у нас охраны.
(И от «охраны» — нет охраны тоже!)

ноябрь 1992

ВРАГИ

(Сонет, в котором героиня отвергает обвинения в неуживчивости)

— Не уклоняйся и не лги!
Попалась — так держи ответ:
Откуда у тебя враги?
И почему у нас их нет?

— Спроси у них самих, сосед.
А заодно спроси Фраги —
Откуда у него враги?
(Не от того ль, что он — поэт?)

А ты... признайся напрямик,
Что у тебя нехватка в них?
Не огорчайся! Я же вмиг
Могу отдать тебе — своих!

Да вот боюсь (уж извини!),
Что не пойдут к тебе они.

январь 1995

ЯЗЫК НЕМЫХ

Язык немых яснее всех других.
Конечно, в нем изящества не много.
Он суховат. Зато среди немых
Не встретишь болтуна и демагога.

Немой понятен потому, что тих.
Талантом не кричать и от ожога
Он заражен от греческого бога
И в скованности — сверхкрасноречив.

Когда-нибудь, как сорванная ветка,
И ты засохнешь, клад словесный мой.
Словам не верят. Песням верят редко.
А лишнего не скажет — лишь немой.

Все речи — только звуки. В час прощанья
Мир говорит с достоинством молчанья.

март 1965

Узор бересты нем. А весь подход
К березе — в нем! Вот на ее заливке
Склоненном — сел, как бабочка, а вот
Ушел в кору, как в каменные сливки.

Сказала бы «рассказ». Но он вперед
Не движется... Гравюра? Нет. Обрывки
Сюжетов недоконченных, в разбивке
Схватил и кружит ствол-водоворот.

Дорисовать? Но где тот карандаш?
Дорассказать? Так замысел не наш;
Вдали, из-под земли, из небосвода

Он рос один, во тьме, как божество.
И не подвластна нам его свобода.
И непонятна — скованность его.

1970-е

РАЗЛОМ ГРАНАТА

Когда блестит разлом граната
Огранкой зерен темно-алых,
Он схож (как с Кордовой Гранада)
С месторождением ценных лалов,

Пылающих пурпурновато
Сквозь дымку странных, небывалых,
Слоистых скатов и провалов,
Облитых лавою заката.

Двойное дно в глазу кошачьем
Зовет пройтись по мхам зеленым.
А тут — как будто в седлах скачем
Мы к зернам неопределенным,

Но далека их середина,
Почти как Мекка и Медина!

март 1994

ВАЗА
(и рисунок на ней)

*...из глины! — не из золота и бронзы!
Но вылетел и — сам! — такой разрисовал сосуд,
Что наш людской, — его судить уже не вправе суд,
А суд богов ему давно не страшен грозный.*

И. Киуру

Дельфинов шлют из пенных рытвин воды,
И носятся среди песчинок свисты,
Когда по вазам водят хороводы
Танцовщицы, флейтистки и флейтисты.

Как беззаботность юных лиц прелестна!
Хотя немножко лисьих и в хитринку,
Но в буйстве танца хитрость неуместна,
И он сметет ее, как шквал — соринку.

И растворит соринку ток воздушный,
Поток воздушный — топот благодушный, —
Лишь весело струится взгляд отрадный

Из глаз продолговатых, миловидных,
Миндалевидных и недалновидных, —
Завешанных листвою виноградной!

1969—94

ЛЕНА И ШУРА
(К спору о «книжности»)

В заречной свежести цветастых крыш антенны.
И в сребросизом том пространственном дымке
Рябин кирпичный жар. И, крошки-иппокрены,
Ключи под кручами вращаются в песке.

А свет слоится здесь, творя такие смены,
Что Шура, небольшой и плотный, в «котелке»,
На том картофельном ботвистом островке
Глядится сосланным на остров Св. Елены!

С ведром, с мотыгой — честь по чести.
Но пока
Не много проку-то ему от островка:
Он матерится там, ну прямо, как пропащий!

(Услуги эха, чтоб использовать в запас),
И все ж «Елены» он ценней во много раз:
«Елена» — «книжная», а Шура — настоящий.

1986

АВРОРА ДЮПЕН*

Когда Аврора, чье гремело имя,
Вдруг вышла за безвестного (пока!)
Поэта, — пропасть разницы меж ними
Открыл сосед, племянник скорняка.

«Аврора, — так смекнул он, — знаменита.
Ее супруг? Что ж... Тоже ничего!
Но говорят, что книжечкам его
В Париже нет достаточного сбыта...»

И, уж совсем привыкнув думать вскоре
«Мы с нею» — о себе и об Авроре,
А на Мюссе взирая свысока,

Забыл дурак, что, если б автор некий
И впрямь был ниже автора-коллеги, —
Насколько же он выше — пошляка!

октябрь 1963

* Известно, что Альфред де Мюссе был сильно увлечен писательницей Жорж Санд, в девичестве — Аврора Дюпен.

Художник, незнакомый с поощреньем,
А знаешь ли? В тени пожить не грех:
Не ослепляясь счастья опереньем,
Мир, как он есть, увидеть без помех.

Негромким смехом встретить грубый смех,
Злорадство — ледяным обдать презреньем...
Нас невеликость наша высшим зреньем
Снабдит. И высший нам сужден успех.

Чтобы затем, с победою помешкав,
С насмешливым поклоном взять реванш.
Так Гулливер — игрушка бробдингнецев —
Мог разглядеть морщины великанш,

Чью красоту считали в Бробдингнеге
Вершиной безупречности и неги.

1962

В ПРЕДСНЕЖНУЮ НОЧЬ

Луна глядится в мокрый листопад,
Морозцем принайтовленный к земле,
И лист похож на отгиск лисьих пят,
И точит свет, как зеркальце во мгле,

Как плоскость блеска в каменном углѣ,
В котором дым, в котором жар заклят.
А ветерок подмерзлый аромат
Дубрав окрѹжных носит на крыле.

Неясно подымающихся трав
Канавы придорожные полны.
Ты говоришь: «Курфюст, „Саксонский Лис“,

Спас Лютера от яростных расправ...»
И ночь хранит наш путь у спуска вниз,
Где шаткий мост над первым льдом волны.

1986

ГРАНАТ

Ты мыслил, над бумагой писчей
Склоняя солнечные пряди.
И (не считающийся пищей)
Гранат глядел в твои тетради.

И кто-то, в гневe непременном,
(Не замечая злоупорно,
Что под растительным сафьяном,
Гремя, окаменели зерна),

Ворчал: «Как негостеприимно
Не угощать гостей гранатом!»
А ты гранат берег — для гимна,
А ты решил сей дар Пенатам

С чуть слышным отблеском опала —
Не скармливать кому попало!

март 1994

*ПЕРЕД ДОЖДЕМ, УПОРНЫМ
И УНЫЛЫМ...*

Перед дождем, упорным и унылым,
Перед ветвей обкраденных метаньем,
Мир вдруг встает — таким волшебно милым,
Великим и таинственным созданием!

Снег в тучах светит. Блеск бежит по жилам
Цветов и трав, с их пестрым увяданием,
С их огненно-душистым оправданием
Похолодания медленным светилам.

Даль, солнце, звезды, клены — все творенье
Колеблется, как тихое горенье
Под золотым пушком, под свежим зноем.

И вот уж ночь в лесах... И рыщет где-то
Кабан — за первым желудом рассвета...
И видит раб себя во сне — героем.

1986

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Я безотчетно зла. А Вы добры сердечно
Простой, негаданной-нежданной добротой.
Я — «достоевщиною» (да и то — не той!)
Чутка. Вы чуткостью. Я только вслед
и встречно,

Вы — вечно. Я, забыв о том, как скоротечна
Жизнь окружающих с их загнанной мечтой,
Была запальчива, заносчива, беспечна,
То дурью, то «умом», со всей его тщетой,

Нередко маялась... Но при таком несходстве, —
При низости моей, при Вашем благородстве
Высоком — для чего мечтается сейчас

Мне Вашу веру, мэтр, принять без оговорок?
Пример Наставника — зачем **балбесам** дорог,
Бельмеса в знаниях не смыслящим как раз?!

октябрь 1992

ПОЕЗД

Вот поезд, задрожав, как в бурку,
Завертывается в тоннель.
И полдня голубой карбункул
Сквозь размелькавшуюся щель

Навстречу падает, как в бункер...
И снова — ночь. Огни. Метель.
Шпал нескончаемая трель...
Но слышно, как прошел кондуктор,

Как буркнул пассажир во сне,
Как рог запел (в стене? в стерне?)
Как бредит Путь настройкой рвенья,
Утруской верст, утряской бед...

Авось в езде — везде забвенья?
И только мне забвенья нет...

1993

Я ПОНИМАЮ ВАС!

Достойный дю Белле писал из Рима другу,
Что мало пишется, что вдохновенья нет.
Но звонко между тем сонет сонету вслед
Из-под пера его летел, как вихрь по лугу...

Что это значило б? Неужто лгал поэт?
И ловко пряча взлет, изображал натугу?
Нет. Просто... он не мог вменить себе в заслугу
Без чувства **радости** набросанный терцет...

Сама поэзия «не в счет», когда унынье
Ей точит карандаш. Когда забота клинья
Вбивает между строф. Растет стихов запас...

Но если качество творишь без увлечения,
То и количеству не придаешь значенья.
Высокочтимый мэтр, я понимаю Вас!

июль 1993

ПТИЦА СИРИН

Ивану Киуру

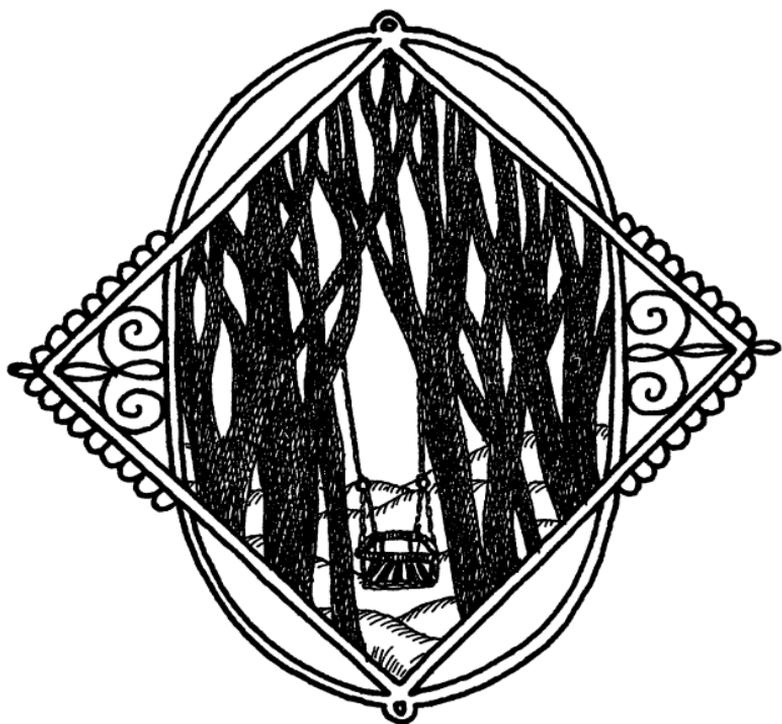
Фантазия — что птица Сирина,
Но враг фантазии, сиречь
Химера скуки — птица Сидень,
Ползет крылатую стеречь,

Тщась утомить ее, вовлечь
В проблемы выеденных мидий;
До просьбочки насчет субсидий
Низвесть овидиеву речь!

Но, взмыв, не дав доизвести
Себя до извести в кости,
Крылом злодейку тем сильней

Отлупит Сирина озорная!
И лишь с тобой она — ручная,
Как под окном твоим — сирень.

декабрь 1993

неправильные
СОНЕТЫ

ДУША ВЕЩЕЙ

Люблю дома, где вещи не имущество,
Где вещи легче лодок на причале.
И не люблю вещей без преимущества
Волшебного общения с вещами.

Нет, не в тебе, очаг, твое могущество:
Хоть весь дровами, точно рот словами,
Набейся — я и тут не обожгусь еще,
Не будь **ОГОНЬ** посредником меж нами.

Мне скажут: брось мечты, рисуй
действительность;
Пиши как есть: сапог, подкову, грушу...
Но есть и у действительности видимость,
А я ищу под видимостью душу.

И повторяю всюду и везде:
Не в соли соль. Гвоздь тоже не в гвозде.

1959

ЧУТКОСТЬ КОТА

Смотри-ка, брови у него — локаторы!

И. Киуру

А у кота у моего — как будто рация!
Вот он прислушивается... Усы во лбу —
локаторы!

И уж видны ему вдали, где спит акация,
Жуки-лазутчики и мухи-провокаторы!

Вот так оказия! Теперь оказывается,
Что он отслушивает (как вулканов кратеры!)
Цветки — тишайшие! Что даже крапины
На них — грубят ему, когда он с ними
связывается...

Он по-охотничьи ступает... Он принюхивается,
А из травы ему клопы лесные — на-ко-ся!
И, морщась, он себе скроит старухино лицо
От оскорбительно **неправильного** запаха!

Он, как фактуру, видит вещи, в чем-то **мнимые**.
В тиши ночей — со стороны — он видит сны
МОИ.

1963—68

ЛУННАЯ НОЧЬ

В середине лунного луча
Запеклись соломенные стулья,
Как внутри серебряного студня
Косточки волшебного леща.

А луна все трудится: луца
И луца — разборчиво и скудно —
Ядра стен, белеющих подспудно,
От теней, от шелухи плюща.

Хлынул ветер... Я сошла с террасы.
Быстро под ногами стал стираться
Лунный луч в надтрещинках теней,

Резкий, как расколотая плитка.
Помутились рощи... Близко, близко, —
Чуть не по лбу — щелкал соловей.

1963

ЖЕМЧУЖИНА

В коралловом лесу жемчужина живет,
Похожая на капельку тумана.
Баюкает ее столетья напролет
Жужжанье голубого океана.

Занятно, что ее когда-нибудь найдет
Ловец жемчужин — цепкий, как лиана,
Цейлонец или сын чужих широт,
Могучий, точно хвост Левиафана.

Кто скажет? — велика ль, мала ль ее цена
Там, под водой, где цен не назначают?
В сияние свое, как в сон, погружена,
Опасности она не замечает.

Но цену ей дадут. И сны ее — ценой
Спугнут. А эти сны — ценней ее самой.

1963

СНЕЖНЫЙ СВЕТ
(Пятидесятые годы)

...Ибо дышит свет подспудный
Из-под хрупкости дорог.

И. Киуру

Ночью снежной, ночью захоластной
Хорошо в провинции безлюдной.
Ни звезды! Но светлой, но не грустной
Кажется мне даль дороги трудной.

Не беда, что снег набился в боты...
Ветер хлопья свеивает с ветел
Отрешенных... Жизнь! Забудь заботы,
Ибо мир нас к ночи приохотил.

Снежный свет (свет фосфора и кварцев!)
Только тонким рошицам опора.
То не рошица! То — встреча Граций
С воздухом весны!.. Эол и Флора!..

Чу!.. Пустые летние качели
Жалостно скрипят среди метели.

январь 1995

БОТТИЧЕЛЛИ

Век титанов, мраморную гору
Молотом дробивший поминутно,
Был смущен, когда увидел Флору,
Лепестками сеющую смутно.

Вижу птиц серебряные клювы,
Слышу пляску воздуха живую,
То эолы, словно стеклодувы,
Выдувают вазу ветровую.

Серебром отблескивают лики.
Люди — реют, наземь не ступают
(Не шагов ли ложных грех великий
Неступаньем этим искупают?)

И встает из моря Афродита —
Безупречно любящих защита.

1971

ПЕТРОВСКИЕ ВЕСНЫ

Молоко облаков и канаты, и черный деготь.
Света радужный пух с горизонта доносится
комьями.

Смуглая зелень моря безмерно ползет под
локоть

И, в парусиновых залпах, качает мачт
колокольнями.

Недоступная нам, но героям доступная, легкость,
Подстрекаемая корабля килевыми наклонами,
Есть и там, где простого камзола, облитая
бархатом, лопасть
На ветру говорит и в дожде трещит,
и шуршит узаконенными

Дуновеньями мельниц — таких далеких,
что дух фиалок,
Вкруг штурмующих склоны (темно от их
треуголок), —
Никуда не сдувается с трав; и стихает шквал-
потрошитель

Нежных чаечных гнезд, как школяр,
испугавшийся выволочки.
Это — плотничество! Это холод полотен! Это
Петр-кораблестроитель
Слить пришел циклопический кузницы гром
и весеннюю жимолость живописи.

январь 1993

ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ

Не заботясь о конце благополучном,
Сшиблись яростно, как бык и матадор,
Открывателя веселенький задор
С угрожающим открытием научным.

Да, свершается науки торжество!
Открывателя не гложет червь сомнений,
В тайну вечности его вникает гений;
Но вникает ли и гений: для чего?

Ради шума? Ради прыткости спортивной?
Ради Истины? (Уж слишком «объективной», —
Равнодушной, как чудовищная ложь?)

Благо там, — где не капральская отвага
Станет спутницей астролога и мага,
А руки — предупреждающая дрожь.

1960-е

КАК ФЕЛИКС ИЗ ПЕКЛА!
(Подражание Саше Черному)

Быть зефиром, розаном и цитрой
Хочет каждый нувориш паршивый
(В детстве — старый, в молодости — хитрый,
В зрелости — гунявый, в старости —
блудливый).

Хочет быть луной! Реликвией!! Мощами!!!
Старые-то — в брак, **сам** ляжет вместо старых.
(Лишь бы это все происходило **в барах**
И не разлучало бы **с вещами**).

Моцарта выводит он — в колбах и ретортах.
(Лишь бы настоящий не воскрес некстати!)
И снует — в терновой шляпе... В юбочке...
В ботфортах...
Без порток... С моноклем... Но — не перечь
дитяте,

А не то воспрянет (вот и жри желе с ним!)
Феликсом из пепла! Пекла Феликсом железным.

январь 1990

Пробрезжил красным листик темной зелени,
Роса упала, волос поседел.
Скажи, когда они все это сделали?
И в щелку-то никто не подглядел!

Как незаметно, призрачно приделаны
Пределы к суткам сутолочных дел!
Вот — паутинка меж кустом и деревом:
Уж не она ли в чем-то — твой предел?

И может быть, тропинкой цвета финика
По желтым листьям в рощу забредешь
И паутинку, словно ленту финиша,
На самой середине разорвешь.

И далее по этой же тропинке
Пойдешь не так, как шел до паутинки.

1964

СТАРЫЕ ЛИСТЬЯ

Пока хороши и без листьев
Деревья за рябью ограды,
Пока у весны и без листьев
Довольно веселой прохлады, —

Люблю прошлогодние листья,
Дрожащие их мириады,
И думаю: «Старые листья,
А солнцу, как новые, рады».

Приветствуя сбивчивый ветер,
Они кувыркаются в парках.
Они веселятся, как дети,
Хотя не получают подарков.

Мне нравится их бескорыстье!
...Люблю прошлогодние листья.

1959

ПОРЫВ К САМООПРАВДАНИЮ

*...А ключ замечателен тем,
что бывает единственным...*

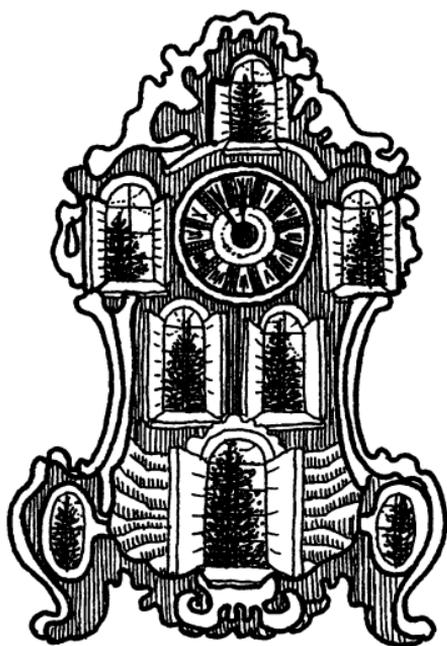
Эта клякса — как перо сорочье!
Этот ляпсус — ярче Хохломы!
Но моё четырнадцатистроchie
Не снискало вашей похвалы.

Вы сказали: «Раз твои волны
Рвут одну и ту же упряжь в клочья, —
Не бери **сонет** во средоточье!
Всяких ритмов много у Аллы!»

Ну а что, когда другие формы
Разбегутся, в поле бросив плуг?
И мечта, существенная в корне,
Не захочет высказаться вслух

Ни в каком другом ключе на свете,
Кроме как в **неправильном сонете**?!

1995

РОССЫНЬ II

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Как в королевстве Пирлипат*
Глаза слипаются от смолки
Волшебных снов, — так мысли к елке
Уж начинают прилипать,

И полночь бьет. О Новый год,
Дай людям отдых безмятежный!
А кто на улицах живет, —
Дай валенки и дом ночлежный!

Сургуч оранжевый — письму,
Цветочным луковкам — горшок.
(А злобным нелюдям — по рожам!)

Так пусть же будет хорошо
Все то небольшое, чему
Еще осталось быть хорошим.

январь 1995

* Имя принцессы из сказки Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король».

СКАЗКА-ПРАВДА

Презренье к быту, к чугунам да метлам
Вам не к лицу. Сойдите с пьедестала!
Без штопки дыр, без слез над луком «подлым»
Нет Золушки и Золушкина бала!

Без той матерой тыквы, превращенной
Впоследствии волшебницей в карету, —
Нет речи о карете золоченой:
Что превращать, раз матерьялов нету?

Кто нос воротит от трудов тяжелых,
Кто видит «чернь» в народной бедной массе, —
Не вызовет Весну из прутьев голых,
Не распознает Принца в свинопасе.

Но свинству явит преданность. И гневно
Лягушку пнет, в которой спит Царевна.

1989—декабрь 1992

ЗНАЛИ, ДА ЗАБЫЛИ!

Не стоит понимать уж черезчур впрямую
Улыбки-образы и выдумки творцов!
Суров «Холодный дом». Но я, в конце концов,
Еще и в «Ледяном», глядишь, перезимую.

Не верь, что хижины пониженной дворцов.
А там, где Россинант нам кажет стать хромую,
Не нацепляй коню ослиных бубенцов:
Жизнь звездами ему еще усеем сбрую!

Не жди, чтобы попал Емелюшка впросак.
Не думай, что Иван действительно дурак!
Что Горбунок — урод (еще и незаметный!).

Не верь, что всяк Илья — для сна и забытья.
Что Муромцу пророк не брат. И что Илья
Обломов — не свершит свой подвиг
кругосветный.

ПОРТНИХИ

Шить, вышивать, вязать, искать забвенья
в кройке
Не выучилась я. Но славлю дар портних,
Чей вклад миролюбив, чей нрав отменно тих,
Труд яркий терпелив, а убежденья стойки.

Не приложимы к ним скандалы, блуд, попойки;
Ни дерзких выскочек, ни чьих-то мачех злых,
Ни лысогорских ведъм не встретишь среди них.
Кружками кружева да клетками ковбойки

Глаза их заняты... Благословенный цех
Смиранных гордостей! где вдруг стихают бури,
Где буйны головы не кружит и успех!
Хвала шитью! Хвала святой Мануфактуре!

Но так бесшумна ткань, одевшая людей,
Что отзвука не ждет. И свет молчит о ней.

январь 1995

Заокеанских кинозвезд
Судьба — что говорить! — плачевна:
На поклоненья перехлест
Из глаз их стрелы прыщут гневно.

Высоких заработков рост
Их оскорбляет ежедневно.
Поэт скорбит о них душевно...
А выход? Как мычанье, прост:

Сойти с экрана, с телевышки,
Жильцам лачуг раздать излишки, —
Уж если слава так люта, —

Вернуться к радостям забвенья,
И... — в то же самое мгновенье
Все станет на свои места!

1980-е

СОНЕТ В ЗАЩИТУ МАРИАННЫ

*«О вкусах не спорят»
и глотки зазря не дерут,
А сразу дубину (не то кирпичину) берут.
И спорщик при виде
дубины (не то кирпичины)
Действительно — больше
не видит для споров причины.*

Сегодня сериалы в моде:
Мы сразу к ним попали в тон.
Тем человеку легче, вроде,
Чем больше серий видит он.

Но раздражительный пижон
Готов напасть — путем пародий —
Уж и на Зрелища в народе,
Который Хлебушка лишен.

«Ах! Марианна примитивна!» —
Бунтуют снобы. Им противно,
Что здесь без грязи обошлось.

А запусти в них неучтиво
Сплошной похабщиной, — небось,
В ней не увидят примитива!..

январь 1995

ЕСТЬ ГЕНИАЛЬНОСТЬ НОЧИ...

Есть гениальность ночи... Сокровенность
Несбыточного властна в поздний час
Дойти до сердца каждого из нас.
Одни ее хранят, как драгоценность,

Другие разбазаривают враз,
А третий — впав на радостях в надменность,
Несет ее в дневную современность,
Как личной посвященности запас!

И говорит: «Не правда ль? — мы с тобою
Возвысились над грубою толпою?!»
Вот как, приятель?! Знай же: есть мосты,

Где всяк батрак пройдет! Огласку тайны
Не позволяет людям **воспитанье**.
Но **каждый** видел то, что видел ты!

декабрь 1994 — январь 95

НАРОД

В одном саду полно теней бездонных,
В другом жарынь, зато растет инжир.
Есть авторы холстов непревзойденных
И книг бесценных, поразивших мир.

Иному же — вовеки не вписать
В художество ни линии, ни строчки,
Зато — без промедленья и отсрочки
Он гибнущего бросится спасать!

Тоскуя по смычку, по эхалоту, —
Пойми ты! — нам не выйти к ним никак.
Но все мы (по божественному счету)
Суть моряки со скрипками в руках.

Мы — Голос! Мысль! Но цель сверхчеловечка —
Не дать нам в жизни вымолвить словечка.

1980—94

«ВЫШЕЛ ИЗ НАРОДА...»

Шасьт из народа! — тут ему и ода.
А я как раз пришла предупредить,
Что я не выходила из народа,
Да и не собираюсь выходить.

Была ходьба в народ. Настала мода
На выход из! Но если рассудить,
В народе нет ни выхода, ни входа:
Мы заперты; мы все — народ. Как быть?

Спесь — вещь не антикварная. Отныне
Мы в общей массе, точно в карантине,
Дабы зараза чванства не могла б

Осилить нас. Но... приоткрой ворота:
Пусть напоследок **выйдут из народа**
Патриций-сводник и продажный раб.

1964

ШЕДЕВРЫ

Грядущему в пример, былому в порицанье
Толпа искусников явилась в наши дни:
На дождик без воды, на звезды без мерцанья
Похожих — тьму вещей придумали они.

Возникли царственно в итоге их возни
Пальто без пуговиц, бубенчик без бряцанья,
Картинка с озерцом (но не для созерцанья!),
Скульптуры-призраки и двери-западни.

Известняком фарфор становится обычным;
Хамеет с голоса; трубит косноязычным
Чревовещателя обманутым нутром;

А вместо «яо-цзынь», звеневшего приятно,
Он выговаривает: «Разрази вас гром!»,
«Анафема», «Балбес» и... то, что непечатно.

1986

ВЫРЫВАЮЩИЙСЯ ЗОНТ

Кто расписал так лучезарно
Зонт, раскрывающийся вдруг?
Зачем, под ветром, так коварно
Он вырывается из рук?

Ему ли выбиться за круг
Ненастья?! Град, многоударно-
Кремневый, бьет неблагодарно
По полотну его потуг...

Кто разглядит его окраску
В глуши, где этакую встряску
Стихии задали ему?

А распогодится — так что же?
Он съезжится по-осьминожьи,
И — вновь не виден никому.

1990

КОМПЬЮТЕР

Не знали ни Эразм, ни Лютер,
Ни Лев Толстой на склоне дней
Того, что знает наш компьютер, —
Поскольку он их всех умней.

О, сколько фактов, цифр, идей
(Смысл жизни, моря перламутр,
Свет горних сфер) вжирает внутрь
Он в ненасытности своей!

«Кто лучше всех?», «Почем каракуль?» —
Тьмы высших истин наш оракул
Вдруг выложит нам до конца!

Но **даже он** нам дать не сможет
Того... чего в него **не вложит**
Рука лукавого жреца.

1980-е

УЧЕБНЫЙ ПОЖАР

Затих машин курсантских шорох.
Ночь. Догорающий фасад.
Окно в густом дыму, как в шорах,
Искр убегающий каскад...

«Ну... Это — что! Так... спичкин чад.
А знать бы вам, — заметил сторож
И руку пастырски простер аж, —
Как тут горело час назад!..»

Так, в зареве, в дверном проеме
Он хвастал, как швейцар в ударе,
Как саламандр-экскурсовод...

При каждой свалке, свозе, сломе
И даже... при любом пожаре —
Свой существует патриот!

1978

Мы только женщины — и, так сказать, «увы»!
А почему «увы»? Пора задеть причины.
«Вино и женщины» — так говорите вы,
Но мы не говорим: «Конфеты и мужчины».

Мы отличаем вас от груши, от халвы,
Мы как-то чувствуем, что люди — не ветчины,
Хотя, послушать вас, лишь тем и отличимы,
Что сроду на плечах не носим головы.

«Вино и женщины»? — Последуем отсель.
О женщина, возьми поваренную книжку,
Скажи: «Люблю тебя, как ягодный кисель,
Как рыбью голову! Как заячью лодыжку!»

По сердцу ли тебе привязанность моя?
Ах, да! Ты не еда! Ты — человек! А я?»

1963

ГАДАНЬЕ ПО ПОЧЕРКАМ

Судить по почерку чужую сущность, либо
Считать, что лупится (попался?!) автор букв —
Из каждой запятой, малейшего изгиба, —
Достойно не людей, а выполотых брюкв!

Кто пишет криво — «плут»! Кто тонко —
«слаб, не глыба»,
А кто с нажимом — тот «решителен и груб»!
А вдруг был шаток стол? Толст карандаш?
А вдруг
Перо царапалось едва — и то спасибо?

А как на эти вот каракули мои
Взглянули б ведуны и почеркисты? «Вот-с вам!
Маразм, объединясь отважно с идиотством,
Водил ее рукой» — вскричали бы они.

Узнайте ж — я скажу и гляну королевой —
Кто правую сломал, тот просто пишет левой.

1971—90

Восток, прошедший чрез воображенье
Европы, — не Восток, а та страна,
Где зной сошел, как тяжесть раздраженья,
А сказочность втройне заострена,

Где краски света, музыки и сна,
Шипов смягченье, роз разоруженье,
Жасминовые головокруженья
В ста отраженьях — комнат глубина.

Сто потолков огнем сапфиров движет.
Сонм арапчат по желтой анфиладе
Бежит, — и в то же время на коврах,

Далеких, золотых, недвижимых, — вышит...
А дым курильниц всё мотает пряди —
Не вовсе с прялкой Запада порвав.

1980

МЕЧТАНИЕ ГОРОДА

Толпа глядит, бледна и длиннолица, —
Нос-полумесяц остро вздернут вверх.
Как в облаках дыхания мелиссы
Зеленоватых — реет судоверфь.

На крышах — кошек черный фейерверк.
Спускающихся улиц вереницы...
На вывесках, витающих, как птицы:
Ключ. Апельсин. Башмак. Посуда. Вепрь.

Трех пансионов лесенки кривые
С половиками красными, как жар,
Скакнут, имея целью мостовые,
Но, не допрыгнув, плавят солнца шар.

И странники бредут по эспланадам:
Живые — с нарисованными рядом.

1963—69

Меня интересуют: муравьед,
Коренья, птицы, оползни, моллюски...
Но я не испытатель-мировед
И не снести бы мне такой нагрузки,

Когда б не наводила «марафет»
На хаос дней, не делала б утруски
Вещей, не помогала звать по-русски
Их, — не тоска мне (вечный мироед!),

А радость... Несъедобна та ботвинья,
Которую в тиши варит унынье!
По мне — так даже на руку нечист

Стишков надменно-плачущих вершитель:
Поэт, а... сноб! Творец, а... разрушитель!
Гуманитарий, — а не гуманист!

июль 1991

МНЕ КАЖЕТСЯ...

Мне кажется порой, что умерли стихии —
Такие, как Земля, Огонь, Вода и Воздух.
А заменили их... какие-то другие —
Из приготовленных на незаконных звездах;

Что до сих пор трава, наш друг многовековой,
Напрасной зеленью сияла перед нами;
Что кто-то изобрел закон природы новый,
Повелевавший расти ей — вверх корнями!

Что в джунгли отпустил шарманщик обезьянку,
Но джунглей больше нет; их царственное платье
Сорвали, вывернули, с криком, наизнанку!
Мне кажется, о них — век буду горевать я,

И плакать буду я — счастливым на потеху —
По истинным слезам и подлинному смеху.

октябрь 1961

Зачем так странен мрак перед рассветом?
Как будто млеет вечность в нем сама!
Как бабочка под коконом, надетым
На будущие крылья. — Ночь нема.

Спят переулки, лестницы, дома.
Виденья вётел, с их полувоздетым —
полупростертым серым силуэтом,
Обволокли их, как вторая тьма.

Томится месяц — жемчуг в сонных створках.
В глуши небес, куда взглядеться трудно,
Испариной проступит звездный сонм...

Боярышник их держит на распорках,
Боясь не получить от них под утро
Какой-то вести. Сразу обо всем!

1990

ОЦЕНОЧНЫЕ ГОНКИ

На серебре времени пробу не выставишь.

Кто звезды видел так амикошонски-близко,
Чтоб разобрать — какой в них светится металл?
И только ли **тому** судить о свойствах диска,
Кто к Дискоболу влез — нос в нос —
на пьедестал?

Оценщик, да никак магический кристалл
В кармане у тебя?! Иначе — кто ж без риска,
Пуская в ход прием непрошенного сыска,
Наш век определит: велик он или мал,

Да и серебряный ли он? Гляди, как споро!
А что́ как — золотой? А вдруг —
из мельхиора?
А вдруг — из платины?.. Чтоб разузнать о том,

Исходит ли в ночи от нас с тобой сиянье, —
Глядеть серебряный пришлось бы с **расстоянья**,
Какое мыслимо лишь только в золотом!

ноябрь 1993

К ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

Не прав Готье: фиалки не смеются.
Ни в переводе, ни в оригинале.
А если их смешки и раздаются,
То тихо, чтобы люди не узнали!

И я вовек не поддержу сравненья
Живой красоты то с лалом, то с агатом.
И как ни украшай — сравню с матом
Бесстыдности любое прославление.

Я не люблю, Готье, ни вакханалий,
Ни мраморов (на базисе «Эмалей»),
Уже скорей тяжелых, чем серьезных...

Но все забыть и все простить готова
За Вашу птицу! — за дрозда простого,
Предвестника Весны в лесах морозных!

1990

ПЕРЕВОДЧИК

В. В. Левику

Кто мог бы стать Рембо? Никто из нас.
(И даже сам Рембо не мог бы лично
Опять родиться, стать собой вторично
И вновь создать уж созданное раз.)

Но переводчик — вот он! Те слова,
Что раз дались, но больше не дадутся
Бодлеру, — диво! — вновь на стол кладутся...
Как?! Та минутка хрупкая жива?

И хрупкостью пробила срок столетний?
Пришла опять? К другому? Не к тому?
Та муза, чей приход (всегда — последний)
Предназначался только одному?!

Чу! Дальний звон... Сверхтайное творится:
Сейчас неповторимость — повторится.

1969

Кастальский ключ проник во все проемы.
Росли из прялки струны и лады.
И в летописцев первые труды
Вошли певцов и риторов приемы.

Что там — поэты! Судьи и суды —
Уже и те с поэзией знакомы!
В их протоколах спрячутся следы
Лиризма и ораторские громы...

Придет художник — правого спасет,
Неправый суд — на холст перенесет.
Все гении сначала — адвокаты.

И входят в мир, причудливо смешав
Шум ветра, звездный свет, защиту прав,
Страсть к истине и вешние закаты.

1970-е

ОТРАЖЕННЫМ СВЕТОМ...

Вот солнце: пламенно, бессмертно, бесконечно.
Дарует людям жизнь. Рассеивает мрак.
А вот луна: займы берет у солнца вечно!
Планетка так себе... Не правда ли — пустяк?

Но пусть на солнце курс нужней держать
поэтам —
Не лучше ль с неба звезд вначале нахватать?
Пусть отраженным лишь луна блистает светом,
Ну что ж, и до нее ведь не рукой подать!

— Эй, ты, сияй сама! Поэту нет расчета
Жить отраженьями, — заметил критик мне.
Мой друг! Достаточно, что ты меня к луне,
Забывшись, приравнял — чего ж тебе еще-то?

Не надсаждай других — сам будешь пощажен.
Все скажут: «Не Сент-Бёв, но и не изверг он».

1975

ЖОРЖ САНД

Они усы и бороды носили, —
Гремящий трагик, романист, поэт...
Но, в общем, парни — женщинами были;
Ведь женственной души богемной — нет!

Весь мир беспечностью они пленили,
Изяществом очаровали свет
И с томной красотой соединили
Девичьей грусти ливневый расцвет.

Одна вспылит, другая прослезится...
Та — ворковать, та — с тряпками возиться,
Подымет эта ближнего на смех...

Учтив, спокоен, храбр, великодушен,
Не столь плаксив, не всем ветрам послушен
Один Жорж Санд — мужчина среди всех.

1982

КРУГИ ЧТЕНИЯ

Читатель-чувственник, сластена любострастный,
С губами, вроде как сосущими лимон.
Лишь похождениями бредит он, злосчастный,
Но Приключения — не воспримлет он!

И вольный парусник, и в море путь опасный:
Шторм, abordаж, побег — его вгоняют в сон,
Как монотонное ворчанье дамы классной,
Оберегающей девичий пансион.

Как едко он острил (чуть не с Вольтером
вместе!)
Над добродетельностью «ангелов» и «дев»!
Потрафим — подгребем к нему пригоршню
бестий,
Таких же, как он сам! Но вдруг, рассвирепев,

Он вместе с «ангельством» пиратство отмечает
И — уж без примесей — бульварщину читает!

1981

·НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Тому, кто есть Рабле, — прощаешь грубость
шуток.

А кто не есть Рабле — тому наоборот:
Так и напрашиваются «пятнадцать суток»
За, в точности, раблевский оборот!

Вопрос таинственный и сложный для науки...
Все чтят Боккаччио. Однако ж вот Барков
Откалывал небось и не такие штуки, —
А каково ему на блюдечке веков?

Что гений ни сморозь — оно всегда прилично.
Какой ни выкинь трюк — получится мораль,
И блеск, и нравственность... (Хотя бы сам,
публично,
На четвереньках он прошел через Версаль!)

А тут — бранись как Свифт, будь как Вийон
вульгарен, —
Увы! — никто тебе не будет благодарен.

1973

В поэтах числиться и никогда заборным
Словцом не выругаться — сушая беда!
Клеймо на совести. Участье в деле черном.
Пятно, которому не смыться никогда.

Есть что-то пресное и штатское в отказе
Певца от крепких слов. Увы, но это так.
Держась пристойности, ты вроде как... слизняк!
Иуда! Бледный клерк! (Его комками грязи

За бледность гнусную всегда мальчишки бьют!)
Ты не гусар! Ты шпак! Зануда из зануд!
Ты сухопутная, прошу прощенья, крыса!

Взлет поэтический тебе не по плечу!
Да, знаю-знаю... Здесь моя погибель скрыта
Но... почему-то я ругаться не хочу.

1970-е

ПРЕДРАССУДКИ

О эти светские пустые предрассудки,
С унылой чопорностью ждущие от нас
(Для вящей светскости!) то грубой сальной
шутки,
То откровенности, лишенной всех прикрас!

О вы, условности, и вы, ужимки света!
С какой-то ханжеской свирепостью уже
Грозящие не взять, так вырвать у поэта
Стишок про сеновал и Дуньку неглиже!

Свет, скорый на запрет, холодный, лицемерный,
Благопристойности и тона страж манерный!
Порвать бы цепь твою, пока твой Аргус спит,

Связаться, одичав, с Брезгливостью порочной
И право на отказ у Скважины Замочной
Украсть, как яблоко в садах у Гесперид!..

1976

ИЗ ПИСЬМА ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

«...Смеясь, что я — поэт, и ставя в центре
мира

Натуру против грез и факты против чар,
Винченцо, наш купец, философ и проныра,
Ушел с победою, сбыв мне плохой товар.

С двумя победами, точней. Но я, обновой
Довольный, — риторством его пренебрегу.
Почтительно признав Винченцо дар торговый,
Мыслителя я в нем одобрить не могу.

Или... наоборот, скажу (любую фразу,
Всю логику его разящую признав):
«Зато он ни сукном, ни бархатом не прав!»

Но не могу же я войти в два дома сразу:
Разуть глаза на мир, увидеть, „жизнь как есть“
И доброму сукну... плохое предпочесть!»

1973

В ПОЛНОШНЫЙ ШАС
(Сонет на опыты над русским языком)

Молочник был, а стал — молошник.
(Пустует — вот он и грубит!)
И торжествует Полуношник,
А Полуночник позабыт.

И я приемник выключаяю,
Штоб вышказаться напрямик:
«В полношный шас за шашкой шаю
Мештает шокнутый штарик!»

Когда бы вся Периферия
Заговорила через Центр,
Кто не вскричал бы: «Вот Россия!?» —
Но и один людской процент

На том наречьи не гуторит,
Которому Столица вторит!

январь 1995

АЛЕНА-ГУЛЕНА, ТЕЛЯЧЬИ НЕЖНОСТИ
И ВОЕННОЕ ЗАРЕВО

Растленье детских душ зовется днесь «развитьем»,
Бой-баба — «девочкой», а сутенер — «плейбоем»,
Чтоб куча нежных слов казалась нам открытьем
Прекрасной музыки над голубым прибором!

Публичный дом теперь зовется «общежитьем
Для благородных мисс». Пристрастие к помоям —
«Изящным вкусом». А скандал
с кровопролитьем —
«Призывом к вольности» для тех, кто ходит
строим

Казарменным. Но мне страшней всего иного,
Что всяк про «доброту», сомлев, заладил снова!
Вот где предвестник бурь! Вчерашние поборцы —

Еще не полный сбор. А тут... Бежит бродяга —
Весь в клочьях, в ранах весь! — Эй, что за
передрага?
Кто гонит-то тебя? Враги? — Нет, «миротворцы».

октябрь 1994 — январь 1995

ХАОС

Злом чаша преисполнилась. Полно́
Обманутых и требующих мщенья.
Не казнено, однако ж, казино.
И Дом Веселья вновь обрел прощенье.

И слабое, как шелест, козье «но!»
Расправам над козлами отпущенья —
Под грохот лжи, под рев обогащенья —
Общественность не слышит все равно.

Звон чистогана густ и неусыпен.
Весь путь во ад банкнотами усыпан
И, может быть, уже необратим.

И лыбится, и радуется часто
Сбывающимся снам Екклезиаста —
Друг пламени и серы побратим.

декабрь 1992

ТРУБКА МИРА

Вояки трубку мира — всю в рисунках,
Прекрасную! — зарыли в чаще леса,
А где — забыли. Только в росных лунках
Пар трепетал, без запаха и веса.

И пала с глаз их жалости завеса:
Зверь войн восстал, со шкуры комья грунтов
Стряхнув, из недр, где — весть подземных
бунтов —
Снег, дождь и пламя свищут из-под пресса...

Но жизнь свела с зачинщиками счеты:
Поля Великой Вечной Неохоты
Их ждали. Страшных уж с одной досады,

Что за презренье к племени чужому
(Спесь, вероломство, зверств реестр тяжелый)
Им нет от Гитчи Манито награды.

1985

СИМВОЛ ЗЛА

Больше не могло быть сомнений: это был Тартараграндафлориус!.. На земле показалось несколько трещин... Одна из них мчалась прямо ко мне...

«Союз действительных»*

Приснился мне в ребячестве когда-то
(Боявшийся — годами — оглашенья!)
Цветок, что достигал корнями — ада
И созидал земной коры крушенье.

Сверхплотных лепестков его громада
Была отнюдь не флоры украшеньем,
А гибель — слабым, храбрым — устрашеньем,
Разбой на пастухов и мор для стада.

Когда он распускался, вихрь упругий,
Им поднятый, гнул рощи, тряс лачуги...
Снимались птицы с гнезд, кружа над далью...

Едва, как змей, раскручиваться начал
Могучий стебель, свернутый спиралью, —
Крича, проснулась я... Что сон мой значил?

1963—71

* «Союз действительных» — пока неопубликованный роман Н. Матвеевой.

ПЯТНИСТАЯ ГИЕНА

Неприручаема и суверенна.
Но хоть и впрямь ее дика природа,
Не стоит ни гроша, ни совершенна
Подобных тварей гордая свобода!

Ей не вредил никто: злость, месть, измена —
Ей, попросту, как морю непогода
Присущи! И как фурия-колода —
Неблагодарна пестрая гиена.

Но как же так?! Бывает по причине
Божественной — добро. А зло — по адской.
А тут — пробел? ...И жители пустыни,

Кидаясь ниц, дрожат, когда, ужасный,
Той псицы-кошки грянет смех дурацкий:
Звук — никакой разгадке не подвластный.

1985

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Ключи от подземелий подсознания
Звенят опять на поясе моем.
Сегодня я, заблудшее создание,
Сойду туда с коптящим фонарем.

Как воют своды в страшной анфиладе!
А впрочем, выясняется в конце,
Что все подвалы наши — на эстраде.
Все тайны, как посмотришь, — на лице.

У нас и подсознание — снаружи.
Все просто: нам получше — вам похуже,
Кот хочет сала, палки просит пес.
Успех собрата мучит нас до слез.

Но чтоб до истин этих доискаться,
Не стоит в преисподнюю спускаться!

1970

БЕСПРИЮТНЫЙ

Бульвары в сумерках окатывает дрожь.
Раззорней листопад, острее — прутьев свист...
Франц Кафка здесь живет; он с ветром
в дупла вхож,
Закован в каждый ствол, врисован в каждый
лист.

На дуги фонарей двойник его похож,
Склонен, как над сукном — былой канцелярист.
Он всюду... Но ему нельзя пойти на риск
И сыпать грезы там, где зонт иль макинтош

Теснят их и метут... Ах, только б не туда, —
В решетку под ногой, где так мрачна вода,
Где — Орку черному подобно — мчит поток...

Но юноша в очках, метлой вооружен,
Бездомного не читит. И сны, что видел он, —
Сметает с мусором в бурлящий водосток...

1986

Есть вопиющий быт, есть вещие примеры,
При всей их важности не лезущие в стих.
Закон стиха суров: он ставит нам барьеры
И говорит: «Скачи, но лишь от сих до сих».

Есть клады ценных слез, есть копи, есть
пещеры
Алмазных вымыслов и фактов золотых,
Но муза не придаст им ни малейшей веры,
Пока отделки блеск не заиграл на них.

Как часто темная певца терзает сила!
Как песня бы его страданья облегчила!
Пой, торопись, Орфей! Твой дар тебя спасет!

Уж весь подземный сонм его за платье ловит...
Он может умереть, пока слова готовит!
Но не готовых слов он не произнесет.

1980

ВЗМОРЬЕ

Дремучих водорослей выброс —
Оброк волнистый, море, твой.
Как тонкий дышащий экслибрис,
В простенке скальном — жабры хвой.

Был дождь. Но путники толпой,
На ста подошвах разнесли грязь
В даль, в повторяемую хриплость
Прибоя вдоль береговой

Черты... И всё! И только тайна;
Лишь несказанному мгновенью
Окажем родственный прием...

Как пёстры в сумерках мечтанья! —
Есть чем прожить! А дуновенью —
С чем унести за оком.

1980-е

ВИДЫ ЮГА

Высокая, как степень бакалавра,
Смоковница растительной страны.
Доспехом лавр звенит. А сбоку лавра —
Плеть винограда на куске стены.

Кора деревьев поверхности коралла
Сродни. И вся — как слепок с кривизны
Хребта, — чьи очертания видны
В разрыв кудрей ореха. Сбой хорала

Оранжевые оползни собой
Являют там, где взмыл коряво-бурный
Склон, циклопически-карикатурный.
И суперсинью так насыщен зной,

Как, мыслью укрощенная едва,
Насмешливая ярость божества.

1992—93

Струится в доли жар животворящий,
Но лозы в гнев. Рдея, — плеть за плеть, —
Пошли, как трещины в стене горячей,
Как щели ада, лающе алеть.

Мне снится кардинальский — то напевный,
То ржущий пурпур. Битвы ржавый свет.
До треска красный, пушечно-полдневный,
Владетельный, громово-алый цвет.

Предел бесстыдства на лице безбровом.
Впервые запылавшая щека
Низвергнутого в ад ростовщика.

Вельможный плащ. Клеймо на родниковом
Челе блудницы. Странно жжет глаза
Мне в тихий вечер тихая лоза.

1970

ЛОЗА ВДАЛИ

Лоза в кудрях, лохмотьях и огне,
Как беглый узник замковых развалин;
Он плащ порвал и руки окровавил,
Спускаясь на веревках по стене,

Но, в двух прыжках от выцветшей травы,
Внезапно замер, даль обозревая,
Скосив глаза на варварские рвы
И в хитрости холмы подозревая...

За этим красным ветровым пятном,
Как за огнем, слежу глазами детства
И вижу битвы, скованные сном,
На месте завертевшиеся бегства,

И неподвижный залповый огонь
Смеживших веки, грезящих погонь...

1970

ТИП ЛИРИЗМА

Я, лирик, примешав унынье к наслажденью,
Болотам и дождям я дал себя пленить.
Рисуя отчий край, по моему суждению,
Велик патриотизм — уныние ценить.

Я творчество с тоской сумел соединить,
Я скуку изобрел и рад изобретенью:
По щучьей милости, по моему хотенью —
На что ни погляжу — пойдет сыреть да гнить.

Пейзаж измучен мной. И мне же сердце мучит.
Но так как я пришел воспеть его печаль,
Поддержки он моей — хоть треснет! —
не получит.
Он тем меня и взял, что мне его не жаль!

Он в слезы, а меня — тревожит-не-тревожит:
Кто сам — причина слез, тот верить в них
не может.

1976

МЕЛАНХОЛИЯ

Богопротивная, дрянная вещь — тоска!
Три вида есть у ней, самым грехом творимых:
Тоска нипочему. Тоска из пустяка.
Тоска по случаю причин непоправимых.

Тройная эта блажь особенно близка
Нам, людям севера. В умах неутомимых
Мы сотни смастерим себе терзаний мнимых,
Пока судьба и впрямь не стиснет нам бока.

Вот так, из ничего, мы с важностью умеем
Чудовищ созидать! Гордясь душевным змеем
(Таким тропическим, когда кругом зима!),

Его мы пестуем. Но нет в нас мысли ясной,
Что здесь мы — не одни; что и к другим
в дома
Нет-нет и заползет наш баловень ужасный...

1970-е

ЭТАПЫ ГЛУПОСТИ

Ум — домосед. А дурь живет на воле.
Свирепствующий в глупой голове
Известный ветер — ищет ветра в поле;
Два ветра сшиблись; дури стало две.

Три, тридцать, сто... Дурь молится молве,
Резва, приспособляема; ни боли,
Ни крови в ней. (Так, от укуса моли
Ведь не проступит кровь на рукаве!)

Но только тот вполне вкусил блаженства,
Причудливой фортуною храним,
Кто дурь свою довел до совершенства,
Большим образованием своим:

Болван, чья ограниченность гранилась,
Как бриллиант, как тонкость и ранимость!

1965

ПЛАНТАТОР

Наш старый агроном был раб высокомерья.
В рабочий перерыв он задал мне вопрос:
— Ты веришь в равенство? Вон что! А я
не верю.
И пальцев пятерню мне сунул чуть не в нос.

Нет! Он не свёл их в то, что всех надежд
потерю
Обозначало бы. И всех крушенье грез.
Он просто указал, уча меня, тетерю,
На их несхожий вид, на их неравный рост.

— Во! Уравняй-ка их!.. И вдруг, лучом
нежданном
Догадка вспыхнула в моем уме простом,
Что сам-то он себя — не числит «безымянным»!
Что сам-то держит он себя — Большим Перстом!

Что значит интеллект! Он прочит нас
в «мизинцы»!
Читай: себе в «рабы» и куму в челядинцы.

1986

СОNET НА ОТРИЦАНИЕ РАВЕНСТВА

Нетрудно равенство найти в своем кругу
Меж тех, кого мечта, судьба и предпочтенье
Связали поисками общего растенья
И общих раковин на белом берегу.

А ты найди его, как шпильку в том стогу,
Среди стихийного судеб хитросплетенья,
В космичности несходств, неродств,
несовпадения,
В толпе хромых, кривых, сгибаемых в дугу...

«Свобода, Равенство и Братство!» За бутылкой
В их триединую природу тыча вилкой
(Как будто это все — твой личный
кресс-салат!),

Напрасно мнишь разъять расчетливостью дикой
Единственную весть парижских баррикад,
Поднесь оставшуюся честной и великой.

1994

ПУШКИН

К чему изобретать национальный гений?
Ведь Пушкин есть у нас: в нем сбылся
русский дух.

Но образ родины он вывел не из двух
Несложных принципов и не из трех суждений;

Не из пяти берез, одетых в майский пух,
И не из тысяч громких заверений;
Весь мир — весь белый свет! — в кольцо его
творений
Вместился целиком. И высказался вслух.

...Избушка и... Вольтер! Казак и... nereida
Лишь легкой створкой здесь разделены
для вида;

Кого-чего тут нет!.. Свирель из тростника —

И вьюг полнощных рев; средневековый патер,
Золотокудрый Феб, коллежский регистратор,
Экспромт из Бомарше и — песня ямщика.

1970-е

НОЧЬ НА ДНЕПРЕ

*Боярышник встал на дыбы, —
немного не заржал!..*

И. Киуру

В краю, где пенный Днепр кидается, как
вепрь, —
Клыками снежно-бел — на темный берег
в бурю,
Зато от туч тепло, зато светло от верб
И непокорный дух не верит в долю злую.

Лишь молний пересверк да влажный бурный
ветр,
Несущий отблески, — как спутанную сбрую,
Сорвавшись, конь степной несет... И что-то
сверхъ-
естественное вдруг понижет ночь сырую...

Вставая в смутной тьме, как звери, на дыбы,
Неузнаваемы, вздымаются дубы,
И... словно не они встречались нынче днем нам,

Уже дерзит их лист, грозою всполошен,
От рук отбившись вдруг и сделавшись
бездомным, —
Что мы... не то, чтоб мы... А он — не то,
чтоб он...

1993

Деревьев хороша и мера, и безмерность.
Меж тонких их ростков дыхательная вязь,
Как дополнительные веточки, взялась,
Зеленоватую сгущая эфемерность.

Из существующих и кажущихся масс —
И листьев их сумбур, и дупел их пещерность,
И, к ним приписанная, сумерек неверность,
И с небом гаснущим таинственная связь.

Еще запутанней их цель, когда порой
(С зеленым запахом, с серебряной корой)
Куда-то за город шагнет туманный тополь;

Что в нем? Покой культур иль хаос вне миров?
К античным статуям или к болотным топям
Зовет он жителя из городских дворов?

1989

И О ВНЕШНЕМ

Наружность гениев изменчива, как море:
Есенин то хорош, то плох. Один портрет
С другим не вяжется! Лицо в одном наклоне —
Одно. В другом — оно совсем другое! Свет

За облик борется, а тьма — за силуэт
Марины. То она, дорической колонне
Подобная, стоит. То — с легкостью каноэ
По водам жизни мчит... Но взмах! — и тайны
след

Простыл... И в сушу вдруг уткнется неказисто...
Лик Лермонтова то в гримасе исказится,
То звездной нежностью оденутся черты

И вспыхнет грусть в очах прекрасных
богомольно...
— Да он почти урод! — один вскричит
невольно,
Другой найдет в нем то, что лучше красоты.

1971 — ноябрь 1992

Из цикла «Прочтение ролей»

МЕРКУЦИО

С глубокой раной века Возрождения
Лежит на яркой площади, в веках,
Меркуцио — двуногое Сомнение
В остроконечных странных башмаках.

Весной времен, меж солнц ума и гения,
Он вдруг увидел (сам не зная как)
Вселенную, лишённую строения;
Бермудский свищ; неподнадзорный мрак

Всех наших Черных дыр... В садах цветущих
Он декаданса гусениц грядущих
Расслышал шорох (через триста лет

Возникнуть должный!)... Проклял эти знаки,
Паясничая, выбежал на свет,
Вмешался в спор — и пал в нелепой драке.

ноябрь 1990

Как радужный дурман горячего болота —
Мечты создателя рифмованных миров.
Но первый светский жест певца — уже ворота
В действительную жизнь — из царства детских
снов.

А значит — он идет на низменное что-то
В яснейшем разуме. А значит — он здоров,
Когда и в будний день играет идиота,
Безумца, гения... Носителя даров...

Да, он помазанник. Но больше —
для проскользу.
Дурак-то он дурак, но — в собственную пользу!
В нирвану погружен, в экстаз небытия, —

Но хочется сказать: «Нирвана-то нирваной,
А ходишь как-никак и сытый и не рваный
И многим не даешь, я слышала, житья!»

1965—68

СОЛОМИНКА

Эстет и варвар вечно заодно.
Их жесты, разумеется, не схожи,
Но пить из дамской туфельки вино
И лаптем щи хлебать — одно и то же.

Эстет и варвар вечно заодно.
Издравле хаму снится чин вельможи,
Зато эстету — дева, вся в рогоже,
Дну снятся сливки, сливкам снится дно.

Усищи в бочку окунает кто-то,
А кто-то сквозь соломинку сосет.
Но кто грубей? Кто низменнее? Тот
Или другой? Хоть поровну почета,

Из бочки можно капли извлекать,
А можно сквозь соломинку — лакать.

1960-е

СТАРИННОЕ СЛОВО

Поэт и слава — нет опасней сплава.
Не в пользу лбам название чела.
И часто, часто — чуть приходит слава —
Уходит то, за что она пришла.

Жужжит и жалит слава, как пчела:
С ней сладкий мед, с ней — горькая отравка,
Но яд целебный лучше выпить, право,
Чем сахарного вылепить осла!

И слово-то какое! Аллилуйя,
Осанна... И кому? Себе самим?
Как будто пятку идола целую!
(Не чьим-то ртом, а собственным своим!)

Не славлю даже славного. А то ведь —
Устану славить — стану славословить.

1960-е

РЕКВИЗИТ ОДНОГО ПОЭТА

Все прелое, все квелое, томленное,
Все — шмяклое, наплывшее на край
Губы... Но в то же время все — ядреное,
Бой-бабистое, прочное, как ларь,

Брыкастое, бедрасто-беспардонное,
В большом платке, цветастом, как букварь,
Хотя притом — опять-таки — сморенное,
Сомлелое... И муть... И хмырь... И хмарь...

Должно быть, надо много умудренности;
Взопревшим надо быть, но удалым,
Чтоб совмещать теорию ядрености
Все время с чем-то прелым и гнилым.

Неуж тебе и вспомнить не случается,
Что крутосварье прелью исключается?!

1960-е

ШТАМП

Словес многовековые наносы
Виной тому, что образ овдовел, —
Пергаментом повеяло от розы,
И соловей над ней осоловел.

А был Гафиз: поили розу росы.
Был Саади — и соловей звенел.
Она цвела без жеста и без позы,
Он пел без фразы. Просто брал — и пел.

Их любит мир. Весна без них не может.
Их не берут ни войны, ни века.
И все ж они зачахли. От чего же?
От шума штамповального станка.

Мне страшен штамп! Мне страшно трафарета!
Он глуп, смешон, но в нем — кончина света.

1960-е

ВОКАЛИЗ

Тип стихотворца есть: не то он роза,
Беспомощно трепещущая в бриз,
Не то лиса, свалившаяся с воза
(Смахнув сперва хвостом всю рыбу вниз, —

Ее алчбы, да не ее привоза!).
О, этот, голосами дохлых лис
В поэзию вносимый, вокализ!
О, эта вечно-жертвенная поза

Воротников растянутых! Не то
Пропавших дев! Нет. Честных, как никто,
Святых! Которых самоотречение

Ни из чего не видно. Вроде, спят,
Но в щель ресниц, ракалии, следят —
Какое производят впечатленье!

май 1989

Мы были бы, наверно, водолазы,
Врачи, каменотесы, моряки,
Когда б не стали рыцарями Фразы,
Причудливыми жертвами Строки!

Но мы зарыли, смыслу вопреки,
Призваний наших подлинных алмазы,
И не в свои впадаем мы экстазы
И не свои сжимаем кулаки...

Свою звезду не восприяв никак
И на чужую посягнув планету
(Страшась ли славы, реющей по свету? —

Не дай, мол, Бог, остаться на века?),
В поэзию бросаемся, как в Лету, —
Вот где забудут нас — наврядли!

1973

НАРЦИСС

Кривые корни ивы под уклоном
Мохнатятся, как вытертый канат.
Среди реки, в бряцаньи зыби сонном,
Расцвел нарцисс — мой бледнолистый брат.

В мельканьи струй, — то синем, то зеленом,
Он день-деньской раскачиваться рад.
Он кажется таким самовлюбленным! —
На чуждый, с берега следящий, взгляд.

Но скромн, тих нарцисса образ ясный.
Легенда лжет! Не слушайте ее!
Нет! Не себя любил Нарцисс прекрасный,
А только отражение свое.

Судить его — не нам, нарциссам суши:
Мы тоже любим родственные души.

1960-е

ОТШАТНУВШИЕСЯ ЧАШИ

Кувшинки и журавлик белый,
Как между чашками кувшин.
Он и они когда-то целый
Являли монолит. Но... — крин-н-н!

Но — цзынннь!.. И — трещиною смелой
Их развело!.. Как звезды льдин
Пораскидало... И, один,
Стоит пернатый; легкотельный

И узкогорлый, как сосуд,
Поглядывая через пруд
На откачнувшиеся чаши,

Задвинутые глубже в глушь, —
Отдельные! Как мысли наши,
Отдельные от наших душ.

1958 — январь 1995

ТЯСОГУЗКА

Поистине, я знаю, трясогузка,
Была бы до суровости серьезна
Твоя из черно-белых нитей блузка,
Не будь ты так резва и грациозна!

На что тебе и красок перегрузка?
Лишь перышком да тушью скрупулезно
Рисованная, решишь... И — бесхозна,
Свободна по песку твоя притруска.

Ты вся — рисунок на этрусской вазе! —
Составленная с тактом безупречным
Из быстрых линий, точных, словно токи,

Порхающая по кустам приречным,
Не знающая ни пылинки грязи —
Знак высшей пробы серебра протоки.

1980

К МУХОМОРУ

Красавец мухомор! Отбрось иезуитство,
Ответствуй, кто ты есть? Берет или башка?
Зачем так сквасилось гримасой злоехидства
Лицо ноги твоей? — когда, исподтишка,

Из малахита мхов, сквозь хмеля волокитство,
(Жар перевернутого красного горшка
В сметанных крапинах: из месяца-рожка,
Вскипев, пролившихся), — ты будишь
любопытство.

Шельмец, как ты хорош! Как жаль, что ты
погиб
Для честной жизни, плут!.. Вдыхая хвойный
запах,
Скользим — почти плывем — сквозь
папоротник-яхонт.

И, в черных зарослях один оставшись, гриб,
Как беглый каторжник, гогочет с клокотаньем
Над добродетелью и перевоспитаньем...

1987

ТАЙНА ПОДСНЕЖНИКА

*...Этот ветреный посвист волосяной, —
Он и есть и нет его...*

«Австралийские лошади»

Цветок, на солнце разогретый,
Мне показался, под ракитой,
Перчаткой фей! (Читай, руки той,
Которой **нет** в перчатке этой!)

Он был **не сам**. Он был приметой,
Что под его (зато!) защитой
Сбежал в ночи король со свитой,
В его кафтан переодетый...

Цветок — лишь Внешность Аромата,
Лишь плащ, прикрывший бегство Мавки,
Лишь дымка, далью красновата...

Сомнешь — и шелк в нем станет мягкой
Пунцово-снежной, золотою,
Цветущей облачной водою...

февраль 1981

ВЕРБА

Растет весной на вербе не цветок —
Не зверь! Но кто ж? Гибрид цветка со зверем?
Зверь взял бы его младшим подмастерьем,
А у цветка он был бы — казачок.

Но, может статья, это вид листа?
Иль вид птенца? Ничуть да не бывало;
Лист — вот он... А птенцов бы мать не стала
Высаживать так рано из гнезда.

Кто сей? — покрытый влажным мехом нутрий?
В нем радуги дрожат, как в перламутре...
Зверь? Птица? Рыба? Шмель? — не разберешь!

Но никому не дам во всей вселенной
Сболтнуть о нем, что он «второстепенный»,
За то одно — что с прочими не схож.

1990

ОТЗЫВ НА ОТЗЫВЫ

*Я убедилась, что ни в разворачивании
наполеоновских войн, ни в той войне
Северных и Южных Штатов... равно как
в изнурительных битвах Алой и Белой
Розы — я не повинна ни сном, ни духом...*

«Союз действительных»

Пример бесчеловечности плачевной
Я вам являю в опытах моих,
Вставая то зверюгой-Палачевой,
То бледным эльфом декадентских книг;

Пигмеицей в добре, в зле — Каланчевной,
Как вам когда ловчей... Встает мой стих
То призрачностью замков родовых,
То себялюбья скотскою харчевней.

Что только мне ни ставилось на вид!
Сдвиг звезд... Несходство города с деревней...
«Там человек сгорел!» — неслась цитата...

Да как же я могу быть виновата
В злодействах ваших, если я пиит,
«Оторванный от жизни повседневной»?!

1980

Ослиным стадом — и-го-го! —
Помчались, топчут, как попало,
Всех Бронте, Диккенсов, Гюго,
Чтобы романтики не стало.

Но и у вас, «реальных», есть
Мечтанье: плющ повесить к дому,
Всех обольстить и всех обвести
(Романтики, но — по-другому!)...

Вся жизнь доказывает нам
(Прямым и косвенным лгунам),
Что реалистов не бывает,

И над пустейшей из химер
«Реалистический» Флобер,
Как Вертер, слезы проливает...

1978—93

УЮТ

Стихами, прозою ли, в устном разговоре —
Мы любим клясть уют. И рваться наобум
(Как будто держит кто силком, за фалды!)

В цунами, в ураган, в тайфун или в самом, в море,

Но не заметно, чтобы кто-то, бросив чум,
Дворец или вертеп, — со здравым смыслом в ссоре, —
Добром пошел бы спать, как кошка, на заборе
И жить на площади, где вечно пыль да шум!

Да-с. Все живут в домах, и дверки — на замочках.
Лишь Диоген да Гек-бродяга жили в бочках.
Но жарким очагом пренебрегал мудрец

Затем, что в Греции и так хороший климат,
А Гек не шел домой — боялся, плохо примут;
«У-бью!» — грозил ему подвыпивший отец...

1986

ОСЕННИЕ РОЩИ

Листы рябин, как перья птицы Сирин,
Легки, продолговаты, яркоцветны.
В их грации учтиво пересилен
Намек на пламень лающей Этны.

Удержан дымкой, приостужен синим
Сквоженьем выси. Скромности секретным
Запечатленьем... (на хвосте павлиньем, —
Как если бы он мог быть незаметным!)

Есть рвение — из красоты в невзрачность.
И эти рощи рвутся в темный угол,
Но их смиренность выглядит как всполох,

Но тем роскошней зрелищности холод.
И грозди раскаленная прозрачность
Красна под снегом, как под пеплом — уголь.

1989

ФОНВИЗИН

*Терпеев лишенья бедности
с достоинством, —*

Заметь:

*Богатство тоже иногда
Приходится стерпеть!*

«Союз действительных»

Когда бы он дерзнул, — не был среди
приятных,
Низкопоклонных и угодливых среди, —
Еще и не носить положенных брильянтов
Вельможных или звезд почетных на груди, —

Так, света **белого** не взвидел бы, поди,
Не то, что **высшего!** И к тайнам фолиантов
Не вырвался вовек; и не раскрыл талантов,
Вкруг бьющих токами, как вешние дожди...

Свет просвещается, светлеет понемножку
И ждет Ума от Вас, но смотрит... на одежду!
Что делать! Вы-таки потрафите ему,

Чтоб там, под мишурой, в душе хранить без
шума
Суровость Правдина, усмешку Стародума
И клятву верности Призыванью своему.

Ноябрь 1993

ПОЭТ

Поэт, который тих, пока дела вершатся,
Но громок после дел, — не знает, как смешон.
Поэт не отражать, а столь же — отражаться,
Не факты воспевать, а действовать пришел.

В хвосте истории ему не место жаться.
(По закругленью дел — кого ожжет глагол?!)
Он призван небом слов, как Зевс,
распоряжаться.
Он двигатель идей. Он — основатель школ.

Что значит «отразил»? Скажите Бога ради!
Поэт не озеро в кувшинковых заплатках:
Он — боль и ненависть, надежда и прогноз...

И человечество с поэтом на запятках
Подобно армии со знаменосцем сзади
И с барабанщиком, отправленным в обоз.

1960-е

ПОЭЗИЯ

Не в том, какого колорита
Ваш тон; не в том, какой вам цвет
Милей — оракулом зарыто
Ручательство, что вы — поэт.

Вниманье к тем, чья жизнь забыта,
Чья суть забита, чей расцвет
Растоптан злостно — вот предмет
Заботы истинной пиита.

Поэзия есть область боли
Не за богатых и здоровых,
А за беднейших, за больных.

А там — едино: голубой ли
Иль рыжий; вольный иль в оковах;
Классический иль новый стих.

1980-е

ПЕСНЯ И СТИХ

К рифмовке вечная готовность
Докучна, молвить между нами.
Но спойте песню — и никто вас
Не спросит: «Почему — стихами?»

И сладость в ней найдет, и томность
(Каких вливать в нее ковшами
Не помышляли вы и сами!)
И в мэтры выведет потом вас...

Приходит музыка без зова;
С ней праздник весел, струны звонки
И слитна слов и звуков спайка!

А стих обычный? Ждет в сторонке
И мыслит: «В трудный будень — снова
Я пригожусь тебе, хозяйка...»

1980-е

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
-----------	---

СОНЕТЫ О СОНЕТАХ

«Завидую далеким временам...»	17
Сонетисты	18
На чествование сонета	19
О «хромом» сонете	20
Сонетная почта	21
Достоинство сонета	22
Третьего не дано	23
Из сказок бочки	24
«Сонет есть реплика. Один бросок угля...»	25
Сочинение сонета	26
«Не сам сонет растаял в блеске лунном...»	27

СОНЕТЫ К ДАШКОВОЙ (1989 – 1993)

Катерина Романовна	33
Дашкова, Дидро и Фелица	34
«На взгляд Фелицы, Ваш находчив разум...»	35
Голос и Вольтер	36
Безвестные композиторы	37
На утечку дашковских мелодий	38
Гостиница	39
Прибытие Марты Вильмот в Россию	40
Геометр Эйлер	41

Забывчивость, как метод	42
Сложная приязнь	43
Предположение иное	44
Уклончивость прямоты	45
Ужин	46
Дашкова и Фелица	47
Минута истории	48
«Не зря ты мне сказал: «Прочти всенепрерывно...»	49
Большие перепады	50
Люди восемнадцатого века	51
К портрету княгини Дашковой	52

*«ПРЕДСТАТЕЛЬНИЦА МУЗ»
ПРОДОЛЖЕНИЕ «СОНЕТОВ К ДАШКОВОЙ»
(1993)*

«История не возится с оттенком...»	55
«Не миловидна и не грациозна...»	56
«Историк! Выстроив при всем честном народе...»	57
«Хотя, весну спалив, а жар залив водою...»	58
Занимательная хронология	59
Остановись, мгновенье, ты — пристрастно!	60
«Плясала Ваша матушка отменно...»	61
«Не говори, что речь моя сползает...»	62
«Читателю характеров понятно...»	63
Откуда идет клевета...	64
Тип	65
Замужество княгини Дашковой (Или Сплетни)	66
Красавица, дурнушка и поляк	67
Три Медведя	68
Чужая слава — нам на сплетни право	69

Дидро и Вольтер	70
Герольды	71
Колпак	72
«Известно, что в былые времена...»	73
Княгиня истинная!	74
Ее недостатки	75
«И силы Ваши кончились, когда...»	76
«Нечасто, но чем реже, тем заметней...»	77
Снова — Марта Вильмот	78
Дарительница (О Катерине Романовне)	79

ШЕКСПИРИАДА (1964—1993)

Елизавета и Шекспир	83
«Лукавец, вынуждая нас гадать...»	84
Исследователи	85
«И совершенству ложный приговор»	86
И то, что было ясным...	87
«И способ есть, простой невероятно...»	88
«Мера за меру»!	89
Большой философ, или...	
Феникс-многостаночник?	90
Историк-распорядитель, или «Комедия ошибок»	91
Но если врут нескладно...	92
Многостаночник	93
Человек не оборотень	94
Жреческий подход	95
«Быки» и «Юпитеры»	96
«Один за всех» или «все за одного»?	97
Праздные домыслы к Божию Промыслу	98
«Пойду ль, выйду ль я...»	99
Пастух, или свидетельство самоучки	100

То, в чем я уверена!	101
Гимн чердакам	102
Его университеты	103
Так ли «обыкновенна» жизнь Шекспира?	104
«По вычисленьям смутно-рьяным...»	105
Предмет возможных «буйств»	106
В Лондон! (Или: «Могло ли быть иначе?»)	107
Шекспировский народ	108
Третье сословие	109
Не спрашивай...	110
Темная личность (Или «Непонятное встречное раздражение»	111
Скажи!	112
Три портрета	113
К портрету Шекспира	114
Сокровенные сроки	115
Распределение ролей	116
«Вторые роли» Шекспира	117
«Нет, не затем он выбрал роль короче...»	118
Дух-постановщик	119
Актер Шекспир	120
О многогранности людей гениальных	121
И уж так ли мала эта роль?	122
Великая роль	123
Великий актер — Шекспир	124
Конец шатаний на кругах гаданий	125
Разгадывая цвета	126
Дом Шекспира. Видение в январе.	127
Мир, затаившись ждет...	128
Божественные скорлупки	129
Чутье профана	130
Сонет на подозренье, далеко уводящие	131

Улыбка непосвященного	132
Гордыня	133
Война титанов с богами	134
«Редчайшему из редких в Зодиаке...»	135
Фигмалионы (Или «Прошу прощения за выражения»)	136
Ода новым «ересям»	137

*ДОГАДКИ О ШЕКСПИРЕ
ПРОДОЛЖЕНИЕ «ШЕКСПИРИАДЫ»
(ФЕВРАЛЬ 1994)*

«Венера и Адонис»	141
«Дать описание и лавра, и маслины...»	142
Видение соавторства	143
Шекспировские героини	144
Маленькая рецензия на «Венеру и Адониса»	145
Угол шекспироведения, откуда Шекспира и не видать!	146
«Пылкий пилигрим»	147
«А ежели к рассказу о Венере...»	148
Кристофер Марло, или Гадание на цветах	149
«Тот не безбожен, кто карьеры...»	150
Шекспир и Марло	151
Тот век...	152
«Все это», или Десертная ложечка	153
Второе прочтение	154
Роль Тени и тень роли	155
Политика печали	156

МАЛЫЕ ЦИКЛЫ

Предзвук	
I К сонету	160

II Предзвук	160
III Лоцманское	161
Из «Сонетов Гамлету»	
I «Смерть Гамлета — всю кожу бы до мяса...»	163
II Дух	163
III «Живой да будет каждая строка...»	164
Сонеты Лэму	
I «Дивлюсь: как я могла, — на гребень невезенья...»	166
II «Да. Память — Ваш конек! Клячонкой золотушной...»	166
III «Нет, Вы не старомодны. Не уйти Вам...»	167
IV «Обязывает музыка земная...»	168
Чарльз Чаплин	
I «Смех Чаплина подвел черту под клоунадой...»	169
II Есть комики с душой...	170
III Величие?	171
Взрослые и дети	
1. Сонет прозаический	172
2. Пока трава растет...	172
3. Перевертыши	173
4. Детство золотое и детство медное	174
Новые и старые моды	
I «Когда морей грозе — Елизавете...»	175
II «И вновь — старинность мод. Но нет и речи...»	175
Конец авантюризма	
I Сумерки грехов	177

II Крах авантюризма	178
Познание	
I Страх познания	179
II Как это сделано?	179
Остается добавить...	
1. «Когда моим простым хореем...»	181
2. «Книжность»	181
3. Проволочный скворец	182
4. Остается добавить...	183
Мщение Феба	
1. «В те дни, как небожители с высот...»	184
2. Мщение Феба	184
3. Из наших разговоров	185
4. Лотофаги	186
Ландыш-белошвейка	
1. Подобно лебедю...	187
2. Поиски	187
3. Ландыш-белошвейка	188
Третья Коринна	
I «Не пей навар из неизвестных трав...»	189
II И вдруг...	190
III Сочинительницы	190

РОССЫПЬ I

«За санаторием, что скован „мертвым часом“...»	195
Мост на Янцзы	196
Человек из патефона (Или Два чуда подряд)	197
Прогулка на Загорянку	198
Мороз	199
«Глухой зимы коснеющий триумф...»	200

Притязания юности	201
«Шафранные дорожки зоопарка...»	202
Из цикла «Третья Коринна»	
Из мыслей не к ночи	203
Крысы	204
Американский клен	205
Конные скачки на Сходне	206
Искры луны	207
«В долгах мы. Как Сервантес! В виде шутки...»	208
«Комаринская»	209
Враги	210
Язык немых	211
«Узор бересты нем. А весь подход...»	212
Разлом граната	213
Ваза (и рисунок на ней)	214
Лена и Шура	215
Аврора Дюпен	216
«Художник, незнакомый с поощрением...»	217
В предснежную ночь	218
Гранат	219
Воздушный шар	220
Перед дождем, упорным и унылым...	221
В. А. Жуковскому	222
Поезд	223
Я понимаю Вас!	224
Птица Сири	225

НЕПРАВИЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

Душа вещей	229
Чуткость кота	230
Лунная ночь	231

Жемчужина	232
Снежный свет (Пятидесятые годы)	233
Боттичелли	234
Петровские весны	235
Очертя голову	237
Как Феликс из пепла!	238
«Пробрезжил красным листик темной зелени...»	239
Старые листья	240
Порыв к самооправданию	241

РОССЫПЬ II

Новогодний тост	245
Сказка-правда	246
Знали, да забыли!	247
Портнихи	248
«Заокеанских кинозвезд...»	249
Сонет в защиту Марианны	250
Есть гениальность ночи...	251
Народ	252
«Вышел из народа...»	253
«Что значит „мещанин“ — как следует не ясно...»	254
Шедевры	255
Вырывающийся зонт	256
Компьютер	257
Учебный пожар	258
«Мы только женщины — и, так сказать, „увы!“...»	259
Гаданье по почеркам	260
«Восток, прошедший чрез воображенье...»	261
Мечтанье города	262

«Меня интересуют: муравьед...»	263
Мне кажется...	264
«Зачем так странен мрак перед рассветом...»	265
Оценочные гонки	266
К Теофилю Готье	267
Переводчик	268
«Кастальский ключ проник во все проемы...»	269
Отраженным светом...	270
Жорж Санд	271
Круги чтения	272
Недоразумение	273
«В поэтах числиться и никогда заборным...»	274
Предрассудки	275
Из письма шестнадцатого века	276
В полношный шас	277
Алена-гулена, телячьи нежности и военное зарев	278
Хаос	279
Трубка мира	280
Символ зла	281
Пятнистая гиена	282
Подземелья	283
Бесприютный	284
«Есть вопиющий быт, есть вещи примеры...»	285
Взморье	286
Виды юга	287
«Струится в доли жар животворящий...»	288
Лоза вдали	289
Улыбка дельфина	290
Тип лиризма	291
Меланхолия	292
Этапы глупости	293

Плантатор	294
Сонет на отрицание равенства	295
Пушкин	296
Ночь на Днепре	297
«Деревьев хороша и мера, и безмерность...»	298
И о внешнем	298
Из цикла «Прочтение ролей»	
Меркуцио	300
«Как радужный дурман горячего болота...»	301
Соломинка	302
Старинное слово	303
Реквизит одного поэта	304
Штамп	305
Вокализ	306
«Мы были бы, наверно, водолазы...»	307
Эдгар По	308
Нарцисс	309
Отшатнувшиеся чаши	310
Трясогузка	311
К мухомору	312
Тайна подснежника	313
Верба	314
Отзыв на отзывы	315
«Ослиным стадом — и-го-го!..»	316
Лоскутное одеяло	317
Уют	318
Осенние рожи	319
Фонвизин	320
Поэт	321
Поэзия	322
Песня и стих	323

Новелла Николаевна Матвеева

Сонеты

**Редактор Т. А. Шпак
Корректор Т. А. Румянцева
Компьютерный набор Г. П. Жуковой
Компьютерная верстка С. Л. Пилипенко**

Лицензия ЛР № 040653 от 15.10.93.

Подписано в печать 30.07.98. Формат 70×100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Кудряшов. Усл. печ. л. 13,65. Усл. кр.-отг. 13,84. Уч.-изд. л. 8,83. Изд. № 880. Тираж 5000 экз. Заказ № 1808. Издательство «Искусство-СПБ». 191014, Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, оф. 8. Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор» Государственного комитета РФ по печати. 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

*Отдел «Книга — почтой»
Санкт-Петербургского Дома книги*

*рассылает покупателям в России книги
наложенным платежом (без задатка)
только по предварительной рекламе.*

Почтовые расходы составят 40% и выше
от стоимости заказанных книг.

Если Вы желаете стать нашим заказчиком,
укажите тематику интересующей литературы,
по которой Вам будут высылаться рекламные
листы.

Наш адрес:
191186, С.-Петербург, Невский пр., 28.
Дом книги. Отдел «Книга — почтой»

ISBN 5-210-01515-7

9 785210 015150